

Бестселлер по версии THE NEW YORK TIMES

САРА ХОЛЛАНД



ЭВЕРЛЕСС

УЗНИКИ
ВРЕМЕНИ
И КРОВИ

ВРЕМЯ —
ТЕМНИЦА.
ОНА —
КЛЮЧ.

ЛУЧШЕЕ МОЛОДЕЖНОЕ ФЭНТЕЗИ

Эверлесс

Сара Холланд

Эверлесс. Узники времени и крови

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

Холланд С.

Эверлесс. Узники времени и крови / С. Холланд —
«Издательство АСТ», 2018 — (Эверлесс)

ISBN 978-5-17-110308-8

Кто владеет временем, тот имеет абсолютную власть. Семья Герлингов – влиятельные аристократы, по капле вытягивающие минуты, часы, а вместе с ними и жизнь, из крови простолюдинов. Герлингов боятся, их втайне ненавидят, но никто не смеет противостоять им. Никто, кроме нее... Джульс Эмбер выросла в Эверлессе – родовом поместье Герлингов, считая его своим домом. Но однажды, несправедливо обвиненные в ужасном проступке, Джульс и ее отец вынуждены были бежать, чтобы спасти свою жизнь. Когда отец девушки внезапно умирает, она точно знает: только ненавистный Эверлесс сможет пролить свет на тайну его смерти. Однако возвращение в прошлое может быть опасным, особенно если тебя ждет встреча с теми, кого ты больше никогда не рассчитывал увидеть. Семейные тайны, опасные интриги, прошлые страхи, старые обиды, забытые чувства и решения, от которых будет зависеть не только судьба девушки, но и само течение времени. Сможет ли она распорядиться им правильно?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-110308-8

© Холланд С., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Сара Холланд

Эверлесс. Узники времени и крови

Sara Holland
Everless

© 2018 by Glasstown Entertainment, LLC
© А. Сибуль, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Моим родителям, за все их истории

1

Многие люди боятся леса, потому что верят в старые сказки о фейри, от которых течение времени навсегда застывает в крови, или ведьмах, способных с помощью заклинаний забрать человеческую душу в белое безмолвие. И дух самого Алхимика, говорят, блуждает в этих лесах, заманивая в ловушку даже вечность одним лишь дыханием.

Меня же эти истории не пугают, потому что в лесах есть и кое-что пострашнее: воры, затаившиеся с грубыми клинками и алхимическим порошком за поясом, готовые украсть время у каждого, кто покинул безопасные пределы деревни. Мы называем их кровососами. Именно из-за них папе не нравится, когда я охочусь, но у нас нет выбора. К счастью, зимой они не могут укрыться в подлеске, а песни птиц не заглушают их шагов.

Кроме того, я знаю эти леса лучше всех. Мне всегда здесь нравилось, особенно то, как переплетенные кроны над головой закрывают солнце и не пропускают холодный ветер. Я бы могла проводить здесь дни напролет, гуляя среди деревьев, мерцающих паутинками чистого льда, проходить сквозь солнечные лучи, пронзающие кинжалами землю.

Фантазии. Я никогда не оставлю отца одного, особенно если он...

– Нет, это не так, – говорю я себе.

Ложь застывает в зимнем воздухе, падает на землю, словно снег.

Я пинаю ее носком ботинка.

Папа говорит, что некоторым деревьям в лесу тысячи лет. Они уже были здесь до рождения всех ныне живущих, даже самой Королевы, даже до того, как Алхимик и Колдунья привязали время к крови и металлу – если такие времена бывали. Эти деревья все еще будут тянуться ввысь, когда нас всех не станет. Корни под моими ногами живут веками не за счет других растений. И их время нельзя забрать вместе с кровью.

Если бы мы только были больше похожи на деревья.

Старый мушкет отца оттягивает спину. Он бесполезен. На мили вокруг не встречается никакой дичи, а всего через несколько часов стемнеет, и рыночные прилавки начнут один за другим закрываться. Значит, мне придется отправиться в город и встретиться с ростовщиком времени. Я надеялась, что охота успокоит мои нервы, подготовит к тому, что я должна сделать. Но мне только стало еще страшнее.

Завтра нужно заплатить за аренду коттеджа в Крофтоне. Как и каждый месяц, семья Герлинг пополнит свои сундуки кровавым железом, утверждая, что мы должны им за защиту. За их землю. В прошлом месяце, когда мы не могли заплатить, их сборщик отпустил нас с

предупреждением – папа выглядел больным, а я – такой юной, – но это не было милосердием. В этом месяце он попросит двойную плату, а может, и больше. Теперь, когда мне исполнилось семнадцать и закон позволяет отдавать годы из моей крови, я знаю, что нужно делать.

Папа разозлится, если он еще может соображать.

Еще одна попытка, говорю я себе, встречая на пути маленький ручеек, бегущий между деревьями. Его бег затих, воды замерзли, но подо льдом – блеск зеленого, коричневого и золотого: одинокая извивающаяся форель в каком-то невидимом потоке. Живая, несмотря на слой льда.

Я быстро опускаюсь на колени и разбиваю корку льда прикладом ружья. Потом жду, пока вода успокоится, в надежде увидеть блеск чешуи, в отчаянии посылая молчаливую молитву Колдунье. Эта форель не принесет достаточно кровавого железа, чтобы покрыть долг за аренду, но я не хочу отправляться на рынок с пустыми руками. И не отправлюсь.

Я сосредотачиваюсь, пытаюсь успокоить биение сердца.

А потом – как иногда случается – мир словно замедляется. Нет, не словно. Ветки действительно прекращают шептаться на ветру. Даже почти беззвучное потрескивание тающего снега затихает, словно мир затаил дыхание и ждет.

Я смотрю вниз, на еле заметный отблеск в мутной воде – он тоже замер в дыхании времени. Прежде чем момент ускользнет, я наношу удар, погружая голую руку в ручей.

Ледяная вода обжигает запястье, заставляя пальцы неметь. Рыба не двигается, когда я тянусь к ней, словно хочет быть пойманной.

Когда я хватаю ее скользкое тело, время снова ускоряется. Рыба бьется в моей руке – непослушный комок плоти, и я почти упускаю ее. Прежде чем она успевает вырваться на свободу, я вытаскиваю ее из воды и кидаю в сумку точным, отработанным движением. Секунду просто смотрю, как рыба бьется внутри, заставляя сумку дергаться.

А потом она замирает.

Не знаю, почему время так замедляется, это может случиться когда угодно. Я слушаюсь совета папы и никому не рассказываю об этом – однажды он видел, как у мужчины забрали двадцать лет из крови, просто заявив, что он умеет поворачивать время вспять мановением руки. Ведуний, таких как Калла, в нашей деревне терпят как развлечение для суеверных, пока они платят ренту. Я, бывало, ходила слушать их истории о волнениях времени, замедлениях, которые иногда вызывают разломы в земле и землетрясения, пока папа не запретил мне посещать их лавку, боясь привлечь к нам внимание. Я все еще помню аромат духов – специй, смешанных с кровью древних обрядов. Но если папа чему-то меня и научил, так это не высываться, а значит, оставаться в безопасности.

Я засовываю руки подмышки, чтобы согреть, а потом снова сажусь на корточки над рекой и пытаюсь опять сосредоточиться. Но рыбы больше нет, и солнце медленно опускает свои лучи-руки сквозь деревья.

Тревога сковывает все внутри.

Нельзя дальше откладывать поход на рынок.

Я всегда знала, что все в конце концов придет к этому, но не перестаю чертыхаться. Повернув в сторону города, забрасываю сумку, с которой стекает вода, на плечо. Я ушла дальше обычного и теперь об этом жалею. Из-за снега мои поношенные ботинки промокают, а деревья не пропускают солнечных лучей, несущих остатки дневного тепла.

Наконец лес редет, и я оказываюсь на грязной дороге, ведущей в город, которую сотни телег превратили в замерзшее месиво. Я бреду по ней, пытаюсь настроиться на посещение рынка. Меня преследуют мысли о ноже ростовщика времени, сосудах, ожидающих, когда их заполнят кровью. А потом кровь будет превращена в железо. Говорят, истощение накрывает, когда он вытягивает время из твоих вен.

Но еще хуже слышать через тонкие стены коттеджа, как папа мечется на своем соломенном матрасе. Самой Колдунье известно, ему нужен отдых. За последний месяц я видела, как на моих глазах он истончается, словно убывающая луна.

Клянусь, его глаза становятся серее – знак того, что время на исходе.

Если бы только не было такого простого объяснения его поведению тем утром, когда он забыл про мой день рождения.

Никогда прежде папа не забывал про мой день рождения. Если бы он только признал, что продавал время, несмотря на все мои мольбы не делать этого, и позволил отдать ему несколько лет. Если бы только Колдунья и Алхимик были настоящими и я могла бы их запереть, потребовав, чтобы они подарили ему долголетие.

Что если – я не могу спокойно размышлять об этом – ему остался всего лишь месяц или день?

В голове всплывает воспоминание о старой крофтонской попрошайке, которая отдала из крови последнюю неделю за миску супа, слоняясь от двери к двери, приветствуя всех в городе и моля о железе на день-другой или хотя бы кусочке хлеба. Сначала она забыла имена людей, потом перестала понимать, где находится, и бродила по полям, вздымая руки к небу, чтобы постучать по воздуху.

Мы с папой нашли ее, свернувшуюся калачиком в пшенице. Она была холодна как лед. Ее время вышло. А все началось с забытья.

При мысли о ней я перехожу на бег. Желание превратить кровь в монету заставляет меня двигаться вперед.

* * *

Крофтон заявляет о своем присутствии сначала столбами сизого дыма, а потом лоскутными крышами, выглядывающими из-за холмов. Узкая дорожка, ведущая к нашему коттеджу, поворачивает на восток от главной дороги задолго до самой деревни. Но я прохожу мимо и иду дальше, на шум и думы рынка.

Внутри низкой каменной стены, которая окружает деревню, ряды домов жмутся друг к другу, как сбившаяся в кучу толпа, словно близость поможет им спастись от холода, или тьмы, или медленного оттока времени. Люди спешат мимо меня тут и там, их тела скрыты под слоями одежды, головы наклонены против ветра.

Рынок – всего лишь длинная полоса грязной брусчатки там, где встречаются три дороги. Сегодня днем здесьлюдно и шумно: пришло время платить ренту, и рынок забит продавцами. Мужчины в грубой одежде фермеров и женщины с детьми на спинах спорят из-за рулонов ткани или костей животных, полных костного мозга, и не обращают внимания на нескольких попрошаек, слоняющихся от лотка к лотку, нараспев повторяя: «Час? Один час?. Их слова смешиваются с общим рыночным гвалтом. Воздух потемнел от дыма чадающих маслом костров, на которых готовят пищу.

К магазину ростовщика времени Эдвина Дуэйда выстроилась очередь; папа и я далеко не единственные, кто из кожи вон лезет, пытаясь свести концы с концами. При виде этого у меня сводит желудок: десятки людей толпятся у стен, ожидая, когда из их крови заберут время и превратят в монеты из кровавого железа. Я знаю, что мне нужно присоединиться к ним, но почему-то не могу заставить себя встать в очередь. Если папа узнает...

Надо хорошенько подкрепиться, прежде чем продать свое время и попробовать продать улов, каким бы мелким он ни был.

Я иду к лавке мясника, где моя подруга Амма за прилавком раздает полосочки вяленого мяса стайке школьниц в чистых фартуках, и испытываю нечто похожее на ностальгию вперемешку с завистью. Я могла бы быть одной из этих девочек. После того как папу выгнали из

Эверлесса, поместья Герлингов, – ярость овладевает мной при одной лишь мысли об этом – он потратил все свои сбережения на книги и бумагу для меня, чтобы я могла пойти учиться. Когда же зрение его ухудшилось и он потерял работу, денег на книги и бумагу не стало.

Я гоню эту мысль прочь и машу Амме, когда она замечает меня. Подруга улыбается, и шрам через всю щеку становится еще заметнее. Это напоминание о нападении кровососов на ее родную деревню, в котором погиб отец Аммы, а в крови матери осталось лишь несколько дней. Она цеплялась за жизнь достаточно долго, чтобы перевезти своих дочерей в Крофтон, прежде чем ее время истекло. Амма осталась одна приглядывать за младшей сестрой Алией.

Для Аммы – а возможно, и для многих школьниц, столпившихся у прилавка, – моя ненависть к Герлингам может показаться ерундой. Герлинги защищают свои города от кровососов и бандитов, подобных тем, что убили родителей Аммы, регулируют торговлю. Взамен за свое покровительство они ожидают преданности и, конечно же, кровавого железа каждый месяц. Границы Семперы охраняются, чтобы никто не смог сбежать и унести с собой ее секрет, вот почему мы с отцом остались на землях Герлингов даже после того, как нас изгнали из Эверлесса за поджог кузницы много лет назад.

Я помню Эверлесс: его украшенные гобеленами коридоры и сияющие бронзовые двери. Местные обитатели расхаживают в золоте, шелках и драгоценностях. Ни один из Герлингов не станет подстергать тебя в лесу, чтобы перерезать горло, но они все равно воры.

– Я слышала, они назначили дату на первый день весны, – захлеб рассказывает одна из школьниц.

– Нет, раньше, – настаивает другая. – Он так влюблен, что не может дождаться весны, чтобы жениться на ней.

Даже слушая вполуха, я знаю, что они обсуждают главную новость, которая, кажется, у всех на устах в последние дни, – свадьбу Роана, объединение двух самых могущественных семей Семперы.

Свадьбу лорда Герлинга, поправляю я себя. Он больше не тот приставучий мальчишка с дырками на месте выпавших молочных зубов, всегда готовый поиграть в прятки с детьми слуг. Как только лорд женится на Ине Голд, воспитаннице Королевы, он фактически станет сыном ее величества. Королевство Семпера разделено между пятью семьями, но Герлинги контролируют более одной трети земель. Свадьба Роана сделает их еще более могущественными. Амма закатывает глаза, глядя на меня.

– Давайте, идите, – говорит она, прогоняя школьниц. – Хватит болтать.

Они убегают прочь, и в водовороте пестрых рыночных красок их лица кажутся такими счастливыми. Амма же, наоборот, выглядит измученной, волосы туго завязаны сзади, под глазами темные круги. Она, должно быть, на ногах с самого рассвета, развешивала и нарезала мясо. Я вытаскиваю из сумки форель и кладу на ее весы.

– Долгий день? – Она уже протягивает руки, чтобы завернуть рыбу в бумагу.

Я улыбаюсь, как только могу:

– Весной будет лучше.

Амма – моя лучшая подруга, но даже она не знает, как плохи дела у нас с отцом. Если бы она узнала, что я собираюсь сдать кровь, то пожалела бы меня или, что хуже, предложила бы помощь. Я этого не хочу. У нее и своих проблем достаточно. Она отдает мне кровавую часовую монетку за рыбу и добавляет полосочку сухого мяса в подарок. Когда я принимаю их, она не сразу отпускает мою руку.

– Я надеялась, что ты придешь сегодня, – тихо говорит она. – Мне нужно кое-что тебе рассказать.

Ее пальцы ледяные, а тон слишком серьезный.

– Что? – спрашиваю беззаботно. – Неужели Джейкоб наконец попросил тебя сбежать с ним?

Джейкоб – местный парень, чья очевидная влюбленность в Амму – предмет для шуток уже долгие годы.

Она качает головой и даже не улыбается.

– Я покидаю деревню, – говорит она, все еще крепко держа меня за руку, – буду работать в Эверлессе. Они нанимают слуг, чтобы помочь с приготовлениями к свадьбе. – Она смущенно опускает глаза.

Улыбка исчезает с моего лица, в груди чувствуется холодок.

– Эверлесс, – повторяю я за ней.

– Джулс, я слышала, что они платят один год за месяц работы. – Ее глаза теперь горят. – Целый год! Ты можешь себе представить?

Год, который они украли у нас, думаю я.

– Но... – В горле ком. Большую часть времени я пытаюсь заглушить воспоминания об Эверлессе и о своем детстве. Но выражение лица Аммы, полное надежды, обрушивает их на меня потоком: похожие на лабиринт коридоры, улыбка Роана. А потом воспоминание о пламени сжигает все остальные. Внезапно во рту чувствуется горечь.

– До тебя не доходили слухи? – спрашиваю я. Ее улыбка меркнет, и я замолкаю, мне не хочется омрачать ее радость. Но я не могу забрать слова обратно и потому продолжаю: – Они нанимают только девушек, красивых женщин. Старший лорд Герлинг обращается со слугами как с игрушками прямо под носом у жены.

– Это риск, на который я должна пойти, – тихо отвечает подруга, выпуская наконец мою руку. – Алия тоже отправляется туда, и Карина: ее муж проигрывает время в азартные игры. – Я вижу злость в ее глазах: Карина ей как мать, и Амма испытывает ярость, видя страдания той. – Ни у кого нет работы. Эверлесс – мой единственный шанс, Джулс.

Мне хочется поспорить еще, убедить ее, что судьба девушки в Эверлессе неблагодарна и унижительна, что все они рано или поздно становятся безмянными вещами, но не могу. Амма права. Служащим у Герлингов хорошо платят, по крайней мере, по стандартам Крофтона, хотя кровавое железо, которое им выплачивают, взято – точнее, украдено – у простых людей, как Амма, я или папа.

Но я знаю, что значит голодать, и Амма не разделяет моей ненависти к Герлингам, не знает об их жестокости. Поэтому я улыбаюсь ей как можно веселее.

– Уверена, все будет замечательно, – говорю я, надеясь, что она не услышит сомнений в моем голосе.

– Только подумай, я собственными глазами увижу Королеву, – вырывается у нее. В то время как папа втайне презирает Королеву, в большинстве семей она сродни богине. Возможно, она и есть богиня: живет со времен Колдуньи. Когда кровавое железо распространилось по венам всех людей, появились захватчики из других королевств. Королева, тогда еще командир армии Семперы, разгромила их и с тех пор правит.

– А Ина Голд, – продолжает Амма. – Говорят, она очень красивая.

– Ну, если она выходит замуж за лорда Герлинга, то, должно быть, это правда, – отвечаю я спокойно. Но внутри все переворачивается при мысли о леди Голд. Все знают ее историю: сирота, как и многие другие, брошенная на скалистых пляжах возле дворца на берегах Семперы как жертвоприношение Королеве. Из-за многочисленных покушений на жизнь Королевы, особенно в начале ее правления, она отказывалась заводить собственных детей или выбирать супруга; вместо этого Королева пообещала выбрать ребенка и воспитать как принцессу или принца. И если они окажутся достойными, то унаследуют корону, когда Королева будет готова передать трон. Возможно, родители Ины были в еще большем отчаянии, чем крестьяне Крофтона. Она привлекла внимание одной придворной дамы, и Королева выбрала Ину Голд в дочери, а два года назад официально объявила ее своей наследницей.

Теперь ей семнадцать, столько же, сколько Амме и мне, но она унаследует трон и королевские запасы времени и будет жить веками. Ее дни будут наполнены пирами, и балами, и вещами, которые я даже не могу представить. Она не будет переживать обо мне и всех остальных, прожигающих свои никчемные жизни за стенами дворца.

Я говорю себе, что эта появившаяся ниоткуда зависть связана именно с королевским наследием, а не с тем, что она станет женой Роана.

– Ты тоже могла бы пойти, Джулс, – тихо говорит Амма. – Мы могли бы там приглядывать друг за другом.

На секунду воображение рисует узкие коридоры для слуг и широкие лужайки, великолепные мраморные лестницы.

Но это невозможно. Папа никогда не согласится. Нас заставили сбежать из Эверлесса, сбежать от Герлингов. Именно из-за них мы голодаем.

Из-за Лиама.

– Я не могу бросить папу, – отвечаю я. – Ты же знаешь.

Амма вздыхает.

– Тогда увидимся, когда я вернусь. Я хочу заработать достаточно времени, чтобы вернуться в школу.

– Зачем на этом останавливаться? – дразню я её. – Может, какой-нибудь дворянин влюбится в тебя и заберет в свой замок.

– Но что тогда будет делать Джейкоб? – смеется она и подмигивает, и я тоже выдавливаю из себя смешок. Внезапно я понимаю, как одиноко будет все эти месяцы без Аммы. Меня охватывает страх, что я больше не увижу подругу, и я крепко обнимаю ее. Несмотря на долгие часы, проведенные за отделением костей и хрящей, ее волосы все еще пахнут как полевые цветы.

– Ну, до встречи, Амма.

– Я вернусь до того, как ты заметишь мое отсутствие, – говорит она, – с историями.

– Не сомневаюсь, – говорю я, а про себя добавляю: «Надеюсь, они будут счастливыми».

* * *

Я хочу остаться с Аммой так долго, как только могу, но солнце неуклонно садится. Страх сковывает движения, пока я иду к ростовщику времени. Я прохожу между прилавками, чтобы найти конец по-прежнему длинной очереди, заворачивающей к двери Дуэйда с выжженным на ней символом – песочными часами. За ней меня ждут блеск лезвия и порошок, превращающий время и кровь в железо.

Я смотрю себе под ноги, чтобы не видеть несчастных, выходящих из магазина, – бледных, со сбивчивым дыханием, ставших еще чуть ближе к смерти. Пытаюсь сказать себе, что некоторые из них больше никогда не придут к ростовщику снова, – на следующей неделе они непременно найдут работу, придут домой, растворят кровавое железо в чае и выпьют его. Но такое не случается в Крофтоне, по крайней мере, я никогда ничего подобного не видела. Мы всегда только отдаем свою кровь.

Через несколько минут столпотворение привлекает мое внимание. Из магазина выходят три человека: два сборщика из Эверлесса – семейный герб Герлингов сверкает на их груди, а короткие мечи раскачиваются на бедрах, – и между ними ростовщик времени Дуэйд. Они крепко держат его за руки.

– Пустите меня! – кричит Дуэйд. – Я не сделал ничего плохого.

В толпе начинают шептаться, и я чувствую, как зарождается паника. Нет сомнений, что в магазине Дуэйда проворачивается огромное количество незаконных операций, но полиция Герлингов всегда одобряла их, кивая и подмигивая при передаче месячного железа из рук в

руки. Ростовщик времени может быть скользким и жадным типом, но не сегодня завтра может понадобиться кому угодно.

Мне он нужен сегодня.

В то время как Дуэйд безуспешно борется с офицерами, на площади раздается стук копыт. Все сразу затихает, Дуэйд замирает в руках сборщиков, когда молодой человек на белой кобыле появляется из-за угла. Его капюшон поднят, чтобы спастись от холода.

Роан. Я испытываю что-то вроде облегчения. Вот уже несколько месяцев после своего совершеннолетия Роан Герлинг посещает деревни, находящиеся во владении семьи. Когда он появился в первый раз, я едва узнала его: стройный и ослепительно красивый – таким он стал, и теперь, когда бы я ни пошла на рынок, втайне надеюсь увидеть его, хотя знаю, что он не должен увидеть меня. Мне хочется ненавидеть его за то, как хорошо он одет, как осматривает владения с едва заметной благожелательной улыбкой, напоминая нам, что каждое дерево, каждый коттедж, каждый камешек на дороге принадлежат ему. Но мои воспоминания о Роане слишком хороши, чтобы вызвать ненависть, как бы я ни старалась. Даже сборщики податей более снисходительны рядом с ним. Что бы ни случилось с Дуэйдом, Роан разберется.

Но когда я снова замечая лицо Дуэйда, которого крепко держат двое стражников, на нем не видно облегчения, а только чистый страх.

Ничего не понимая, я поворачиваюсь, когда молодой человек сдергивает свой капюшон. У него широкие прямые плечи, золотистая кожа и темные волосы. Но он сама суровость – буйные брови, прямой нос, высокий аристократический лоб.

Я с шумом выдыхаю.

Не Роан. Лиам, старший брат Роана. Я думала, он спокойно учит историю в какой-нибудь заросшей плющом академии возле океана. Лиам, который десять лет приходил ко мне в страшных снах. Мне так часто снилась ночь, когда мы сбежали, что я не могу отделить кошмар от воспоминания, но папа позаботился о том, чтобы я запомнила одну вещь: Лиам Герлинг не был нам другом.

Лиам пытался убить Роана, когда мы были детьми. Втроем мы играли в кузнице, и Лиам толкнул брата в огонь. Если бы я не вытащила Роана до того, как его охватило пламя, он бы сгорел заживо. В награду за это нам пришлось сбежать из единственного дома, который я когда-либо знала, потому что папа боялся того, что со мной сделает Лиам, если мы останемся в Эверлессе, зная, что я видела.

Позже, когда мне исполнилось двенадцать, Лиам нашел меня и папу в нашем коттедже возле Родшира. Их потасовка разбудила меня посреди ночи, и, когда я вышла из спальни, отец схватил меня за руку – он прогнал Лиаму, и мы снова сбежали.

Боязнь, что мой самый страшный кошмар воплотился в жизнь, парализует меня: после всех этих лет он нашел нас. Снова.

Знаю, что должна отвернуться, но не могу оторвать от него взгляд: в памяти всплывает его полное ненависти лицо, уставившееся на меня сквозь пелену дыма, когда десять лет назад мы навсегда покинули Эверлесс.

В голове раздается папин голос: *«Если ты когда-нибудь увидишь Лиаму Герлинга – беги».*

2

Даже в свои десять лет Лиам был холодным и отстраненным. Он уехал в школу-пансион меньше чем через год после того, как мы покинули поместье, но слухи о нем продолжали разлетаться по землям его семьи. Слуги в Эверлессе говорили, что, внешне спокойный, он мог вспыхнуть от ярости в мгновение ока, что родители боялись сына и потому отправляли прочь. Но не ярость заставила Лиаму толкнуть брата в огонь кузницы или погнаться за нами

в Родшир. Это была жестокость. Могу только представить, как эта злоба приумножилась в последние годы.

Прижимаясь к ближайшему дверному проему, я гадаю, как вообще спутала его с Роаном. Мальчики одного роста, одинаково крепко сложены, у них те же темные кудри, но волосы Роана непослушные, Лиам же укротил свои, зачесав их назад. Его губы тонкие, без намека на улыбку; глаза с тяжелыми веками, взгляд невозможно прочесть. Возвышаясь над толпой на своей лошади, он держится в седле прямо, отчего похож на статую, – гордый, непреклонный и непоколебимый. Он оглядывает людей, выстроившихся в очередь на встречу с Дуэйдом.

Я поднимаю руку к капюшону, но уже слишком поздно – он наверняка заметил меня. Возможно, мне только кажется, но он на секунду задержал взгляд на моем лице. Внутри все сжимается от страха, руки трясутся, когда я натягиваю капюшон на голову. Мне хочется развернуться и бежать прочь из очереди, но это лишь привлечет ко мне еще больше внимания.

К счастью, низкородные горожане, кажется, не интересуют Лиам. Он скользит мимо меня взглядом и смотрит вниз на стражников, зажавших между собой Дуэйда.

Старый ростовщик времени в ужасе. Роан бы отозвал своих людей, но в Лиаме нет его доброты.

– Пожалуйста. – Стоит такая тишина, что я со своего места слышу мольбу Дуэйда. – Мой лорд, это настоящая ошибка, больше ничего.

– Ты нарушил закон, забрав время из крови ребенка. – Голос Лиам стал ниже, но такой же холодный, как и в детстве. – Ты это отрицаешь?

Я вижу боль на лицах вокруг меня и знаю, что это лица несчастных родителей. Время детей непредсказуемо, его сложно отмерить и связать, и очень легко забрать слишком много и случайно убить донора. Но у многих нет выбора. Смотреть, как твой ребенок отдает свою кровь, – наказание более жестокое, чем все, что могли бы придумать Герлинги.

– Откуда мне было знать, что она ребенок? – Дуэйд дикими глазами смотрит на Лиам. С губ одно за другим срываются бесполезные оправдания. – Я верю только в то, что мне говорят, мой лорд, я всего лишь слуга...

Голос Лиам, холодный и острый как нож, пронзает воздух.

– Отвезите его в Эверлесс и заберите год.

Это заставляет Дуэйда замолкнуть.

– Год? – Ростовщик шокирован. Потом на лице его появляется паника. – Лорд Герлинг, пожалуйста...

Сборщики тащат Дуэйда в сторону поджидающей конки. Лиам поворачивает ногу, словно собирается спешиться, и я чувствую, как подступает тошнота. Внезапно я понимаю, что могу упасть в обморок. Пока Лиам отвлечен, я наклоняю голову и спешу прочь от очереди в сторону переулка, по которому могу срезать дорогу домой.

На краю рынка я оглядываюсь и сразу же жалею об этом. Люди бредут от лавки ростовщика времени, но Лиам все еще там и смотрит прямо на меня. Сердце замирает, и какое-то время я стою, не двигаясь с места, пойманная в ловушку его пронзающим взглядом. Если он узнает меня...

Беги. Голос моего отца.

Но Лиам прищпоривает лошадь и разворачивает ее обратно к главной дороге, словно ждет не дождется, когда покинет столь презируемое место, как наша деревня. Дыхание прерывисто отдается в ушах, когда я разворачиваюсь и бегу домой.

Как только я покидаю деревню и оказываюсь на нашем пустынном пшеничном поле, паника, затуманившая мой разум, понемногу стихает, оставляя лишь липкий страх внутри, который Лиам впустил туда своим взглядом. Меня мучили ночные кошмары о пожаре с той ночи, когда нас выгнали из Эверлесса, – наполненные дымом, они переросли в сны, в которых

меня преследует безликий убийца. Сны об огне и ужасе – и горький запах горячего металла и горящей соломы, который снова наполняет мои ноздри при воспоминании о глазах Лиама.

Последний раз он видел меня десять лет назад, напоминая я себе снова и снова. Папа и я были лишь слугами. Я – семилетняя девочка с костлявыми коленками в чепчике служанки. Он мог бы узнать папу, но едва ли узнает меня.

Только когда я вижу коттедж – тоненькая струйка дыма поднимается из трубы, – я вспоминаю, что мне нужно было принести домой ужин. Придется сегодня обойтись полосочкой вяленой оленины, подаренной Аммой. Надеюсь, монета, которую я выручила за форель, стоит пустого желудка.

Солнце садится ниже. Я смотрю в сторону горизонта, где небо расцвечено серым и золотисто-красным. Еще один день позади.

Сухой вечнозеленый венок висит на задней двери, и украшение в виде свернувшейся лисицы, которое я сплела из проволоки и гвоздей, когда была ребенком, стоит на окне. Мама верила в талисманы. Папа говорит, что она проводила часы, сплетая веточки сосны вместе с помощью ниток или полируя свою древнюю деревянную фигурку Колдуньи – грациозную фигурку с часами в одной руке и ножом в другой, которая стоит на подоконнике для защиты и долголетия. Похожая статуя, но намного больше и красивее, стоит возле западной стены Крофтона, где набожные – или отчаявшиеся – просят благословения. Папа не признает, но хранит все эти вещи в память о маме. Он верит в них не больше, чем я. Если Колдунья существует, она не прислушивается к нашим молитвам.

Зайдя внутрь, я задерживаюсь в неосвещенной кухне, пока глаза не привыкают к темноте, желая отсрочить момент, когда придется встретиться с отцом – с пустыми руками. Папа не подаст виду, что расстроен, – он никогда и не расстраивается, – но я не могу без боли смотреть на его худую фигуру и трясущиеся руки. Что на этот раз он забыл, пока я отсутствовала, – мое имя, лицо? Из-за паники и суеты, вызванной появлением Лиама Герлинга, я забыла о ренте. И теперь, когда Дуэйда забрали в Эверлесс, чтобы сурово наказать, каков шанс продать ему кровь до появления сборщиков подати?

Я замираю, услышав в комнате незнакомый голос. Слова заглушаются потрескиванием очага, но я могу сказать, что голос мужской. Меня снова пронзает страх. Неужели Лиам узнал меня? Послал ли он кого-то за мной?

Я подхожу к порогу, приоткрываю занавес и замираю.

Мне хватает секунды, чтобы понять, что за сцена разворачивается на моих глазах. Сборщик ренты, человек из Крофтона, посещающий один коттедж за другим каждый месяц, словно болезнь, сидит возле очага напротив отца. Он пришел раньше обычного. Между ними на грубом деревянном столе ряд предметов: маленькая медная миска, стеклянный сосуд, серебряный нож. Те же самые инструменты, что валяются на прилавке в магазине ростовщика времени. Инструменты, помогающие забирать время.

Папа смотрит на меня. Его туманные глаза становятся шире.

– Джулс, – говорит он, пытаясь встать из-за стола. – Я не ожидал, что ты вернешься до темноты.

Сердце замирает. Уже темно.

– Что здесь происходит? – спрашиваю я; в голосе слышны слезы, ведь я и так знаю ответ. Сборщик смотрит в мою сторону. Он кажется слишком большим для нашего маленького домика.

Мой отец садится обратно в кресло.

– Я выплачиваю ренту, – спокойно говорит он. – Почему бы тебе не подождать на улице, насладиться теплым деньком?

Сборщик встречается в разговор раньше, чем я успеваю ответить.

– Тогда четыре месяца, – говорит он слегка скупающим деловым тоном. – Рента за два месяца.

– Четыре месяца? – я делаю шаг вперед к столу, повышая голос. – Папа, ты не можешь. Человек Герлингов бросает на меня упреждающий взгляд, а потом пожимает плечами.

– Это штраф за опоздание, – он снова смотрит на меня и поворачивается к своим инструментам. – Время – для того, чтобы его сжигать, девочка.

В деревне все знают это выражение: зачем копить время, если каждый следующий день страшнее предыдущего? Я злюсь, услышав эти слова от человека, ни в чем не испытывающего нужды. Чтобы отвлечься, достаю часовую монетку из кармана и протягиваю ему:

– Возьмите это, или я...

Сборщик прерывает меня коротким невеселым смешком.

– Сохрани себе этот час, девочка, – говорит он. – И не расстраивайся так. Когда время твоего отца истечет, ты унаследуешь его долги. Я не хотел бы испортить отношения с тобой.

Проклятие, которое я собираюсь высказать ему в лицо, застревает в горле. *Когда папино время истечет.* Словно он знает, что это случится скоро. Измерил ли он уровень времени в его крови?

Отец сосредоточен. Когда человек тянется к ножу, папа успеваает схватить его первым. Затем ведет аккуратную линию через всю ладонь, спокойно, словно рисует углем на бумаге, а не ножом по коже. Выступает кровь.

– Да, четыре месяца, – повторяет он, берет стеклянный сосуд и прижимает его к порезу, ссезивая слабую струйку крови. – У меня еще хватит.

Его лицо бледнеет с каждой секундой, тени под глазами проступают сильнее. Когда он передает наполненный сосуд человеку Герлингов, то уже еле держится на ногах, и я успеваю перехватить его руку до того, как отец успеваает взять второй сосуд.

– Нет, – другой рукой я убираю нож, чтобы он не мог дотянуться. Сборщик с удивлением наблюдает за мной, и теперь я обращаюсь к нему. – Четыре месяца за двухмесячную ренту? Должен быть другой способ.

– Джулс.

Я не обращаю внимания на мягкое предостережение отца и поворачиваюсь к сборщику. На его лице читается скука, и это приводит меня в не меньшую ярость, чем сам факт, что он забрал время у моего отца. Но я справляюсь с эмоциями, натягиваю благодушную улыбку и стараюсь, чтобы мой голос звучал любезно.

– Позвольте меня продать мое время, сэр. Вы можете взять пять месяцев.

В глазах мужчины на секунду вспыхивает интерес, и я точно знаю, о чем он думает: сборщик может отдать ренту Герлингам, а лишний месяц оставить себе. Но тут встречается мой отец.

– Ей всего шестнадцать.

– Мне семнадцать, – перебиваю я, и отец хмурится из-за этих слов. – Папа, сегодня одиннадцатый день месяца. Мне семнадцать.

Сборщик смотрит то на меня, то на отца, не понимая, кому верить, а потом кряхтит и качает головой.

– Нет, я не стану вызывать гнев Колдуньи на свою голову за забор крови у ребенка.

Колдуньи или Лиама Герлинга?

– Пожалуйста, – я обращаюсь сразу к обоим мужчинам. – Я никогда не отдавала время, но могу заработать и вернуть его позже.

– Легко сказать, что ты заработаешь и вернешь его позже, – упорствует отец. – Сложнее действительно его заработать. Сборщик, подайте мне второй сосуд.

– Я буду работать в Эверлессе. – Слова слетают с губ, прежде чем я успеваю осознать смысл сказанного.

Резким движением отец поворачивается ко мне и смотрит с предостережением.

Сборщик не двигается.

– Ты будешь что?

– И... – я пытаюсь вспомнить, что Амма рассказывала мне на рынке, – они платят год за месяц. Если вы немного подождете, я выплачу вам долг вдвойне, и заплачу за два месяца вперед, – добавляю я, пытаюсь скрыть отчаяние в голосе.

Взятка. Сборщик заинтересован. Он оценивающе осматривает меня с головы до ног, и я ужасно смущена, но держу подбородок высоко и выдерживаю его навязчивый взгляд. Я знаю, как Герлинги ценят молодость и красоту. Я не Ина Голд, но, по крайней мере, унаследовала от матери длинные ноги и красивые волосы. В подходящей одежде я вполне сошла бы за девушку из Эверлесса.

– Джулс! – Отец пытается подняться из-за стола, опираясь на трость, встает во весь рост, возвышаясь над нами, и я вспоминаю, каким человеком он был: гордым и достаточно сильным, чтобы заставить отступить любого прихвостня Герлингов. Я опускаю взгляд в пол, делая вид, что не замечаю его. Мне нелегко, но я не знаю, сколько времени он уже отдал и сколько еще осталось.

– Я запрещаю тебе...

– Сядьте, – нетерпеливо говорит сборщик. – У меня есть дела поинтереснее, чем слушать пререкания крестьян.

Отец медленно садится обратно в кресло; на его лице я вижу выражение страха вперемешку со злостью.

– Я позволю вам разобраться с этим, – говорит сборщик снисходительным тоном и встает из-за стола. – Если собираешься отправиться в Эверлесс, увидимся на рассвете на рынке. Посмотрим, подойдешь ли ты. В противном случае я вернусь завтра, чтобы забрать остаток ренты.

– Спасибо вам за понимание, – отвечаю я. Папа неотрывно смотрит на меня. – До завтра.

Сборщик бормочет что-то себе под нос. Когда он выходит и захлопывает за собой дверь, в комнате повисает звенящая тишина.

– Сколько времени у тебя осталось? – вопрос срывается с губ сам собой.

Отец или не слышит меня, или решает проигнорировать. Он отводит глаза, вытирая порез на ладони тряпкой.

– Джулс...

– Сколько времени у тебя осталось? – настаиваю я.

– Достаточно, – звучит как упрек. Он делает глубокий вдох. – Ты ребенок. Тебе надо вернуться в школу.

– Ты должен был сказать мне, что пришло время вносить ренту. Я могла бы заплатить. У меня достаточно времени.

– Нет, – резко отвечает отец. – Я не позволю этому случиться.

– Но работы мало. – Злость, которую я не могла сорвать на сборщике подати, рвется наружу. – Ты понимаешь, что это значит для нас, для тебя? Ты мне нужен, папа. – В отчаянии я чувствую, как слезы льются из глаз. – Ты подумал об этом, прежде чем позволить сборщику забрать твою кровь?

– Есть вещи, которых ты не понимаешь, Джулс. – Спор изрядно измотал отца. Меня терзает чувство вины: он только что отдал месяц жизни и наверняка истощен. – Герлинги – зло, ими движет алчность, – кипит он. – Тот парень, Лиам, скорее бы отправил нас на казнь, чем рассказал правду о пожаре...

Он не успевает договорить и раздражается сильнейшим приступом кашля. Следующие слова звучат так тихо, что я задаюсь вопросом, уж не выдумала ли я их.

– Я не позволю им заполучить тебя.

– Они не получают меня. Они меня даже не заметят, – говорю я, стараясь подавить раздражение и отчаяние в голосе. Я устала прятаться, ждать. – И если заработаю достаточно, то смогу вернуться в школу.

– Нет. – Голос его твердый как сталь. – Ты не вернешься в Эверлесс. Я запрещаю тебе.

– Папа, пожалуйста. Никто меня не узнает. – Мои мольбы звучат словно детский каприз. Я потрясена вспышкой папиного гнева. Он ненавидит Герлингов так же, как и я, но не стоит отдавать жизнь по капле, чтобы уберечь меня. Неужели страх подчинил его разум?

– Я все еще твой отец, – говорит он. – И, пока ты живешь под моей крышей, будешь делать, что я скажу.

Я хочу продолжить спор, но отвратительная мысль приходит в голову.

Он не может остановить меня.

После того как папа выгнал Лиам в ту ночь, когда мне было двенадцать, он решил покончить с прошлым. Деревенские жители, знающие, что кузнец Герлингов оказался среди них, недоумевали: почему тот оставил такое почетное место ради нищенской жизни в деревне? Но папа находился в постоянном страхе, что Лиам снова найдет нас, чтобы свершить-таки свою ничтожную месть. Поэтому легче было придумать обычную историю: фермер и его дочь бросили земледелие после череды неурожаев. Он научил меня врать так, чтобы никто не задавал нам лишних вопросов. И сам не понимает, насколько хорошо это сделал.

Я тяжело вздыхаю.

– Амма уезжает в Эверлесс, – говорю я. – Может быть, мясник даст мне ее место.

Взгляд папы становится мягче.

– Может.

Он тянется ко мне и накрывает мою руку ладонью.

– Мне так не нравится, что тебе вообще приходится работать. Но, по крайней мере, здесь мы вместе.

Я улыбаюсь. Если бы я могла сказать правду: что от одной мысли вернуться в Эверлесс мне становится плохо и страшно, но я все равно туда отправлюсь. Папа довольно улыбается, и я понимаю, что он меня не раскусил. Я встаю, целую его в лоб и иду в кухню, чтобы приготовить ужин.

Пока папа не видит, я беру фигурку Колдуньи с окна – ту, что принадлежала маме, – и кладу ее в карман. Возможно, Колдунья принесет мне удачу. Может, мысль о ней придаст мне сил.

На рассвете и то, и другое мне понадобится.

3

Я ложусь спать раньше папы. В кровати у камина, под тонким одеялом, с закрытыми глазами, я прислушиваюсь, как он делает записи в своем учетном журнале. Я знаю: он подсчитывает свое время, словно, проверяя и перепроверяя цифры, он вдруг найдет способ купить все то, чего мы не можем себе позволить. Затем слышу скрип входной двери: он отправляется к старому колодцу, чтобы принести воды; огонь в камине потрескивает громче, когда он подбрасывает еще одно полено. Наконец папа целует меня в лоб и, тяжело вздыхая, уходит в свою комнату.

Я жду, пока его дыхание становится ровным и он засыпает, а потом осторожно выскальзываю из постели и собираю свои вещи, так тихо, как только могу. Я беру несколько буханок черного хлеба из кухонного шкафа – этого хватит ненадолго, – выбираю самое красивое платье, хотя потертая голубая льняная ткань все равно будет казаться скромной рядом с нарядами дам Эверлесса, засовываю свой охотничий нож в чехле за пояс и складываю еще кое-какие вещи в заплечный мешок.

Задерживаю взгляд на рисунке на стене – на нем отец изобразил маму. Он любил рисовать, пока его зрение не ухудшилось, – однажды я нашла у него под матрасом рисунок, словно он не мог выносить напоминание о нашей потере. Мне пришлось умолять его позволить повесить его на стену. Бумага пожелтела от времени, но сходство все еще потрясающее: молодая женщина с волосами, вьющимися, как у меня, и с карими глазами смотрит и смеется. Протянув руку, я касаюсь маминого лица. Интересно, одобрила бы она мой выбор? Статуэтка Колдуньи по-прежнему в моем кармане. *Удача*, думаю я, а стук сердца замедляется.

На обратной стороне одного из листов бумаги, разбросанных на столе, я намеренно небрежно царапаю записку: «*Пошла к мяснику. Вернусь до темноты*».

Оставляю ее на видном месте, надеясь, что папа сразу не подумает, что это ложь. А если догадается, могу поспорить, приковыляет в деревню сам, чтобы догнать кареты Герлингов.

Что он станет делать, когда поймет, что я натворила?

Если думать очень долго о папе и о том, как сильно он будет волноваться, нервы не выдержат. Поэтому я быстрее натягиваю сапоги и хватаю сумку. Меня не будет месяц, максимум два, и я напишу ему письмо из Эверлесса, чтобы дать знать, что все хорошо. Когда вернусь домой, кошелек, полный кровавого железа, компенсирует мой обман.

На рассвете я наконец отправляюсь в путь; небо светлеет, и воздух свеж. Я иду быстро, а на востоке алеет рассвет. Сегодня холоднее, чем вчера, и я дрожу из-за пронизывающего ветра. Запах прелой земли поднимается из-под снега. Вскоре передо мной появляется Крофтон: соломенные крыши в предрассветной дымке похожи на кривые шляпки диковинных грибов. Единственные признаки жизни – попрошайки, спящие в дверных проходах. Я наблюдаю, как худая рука зажигает свечку в окне над пекарней. В деревне безопасно: Герлинги защищают нас от внешних угроз – но мне все равно немного жутко.

В нескольких кварталах от рынка я слышу приглушенный шум голосов, поворачиваю за угол и вижу самое большое количество девушек, когда-либо собранных в одном месте. Должно быть, нас здесь больше пятидесяти; все вымыты, аккуратно причесаны и одеты в лучшие наряды. Некоторых из них я знаю: вон Амма с младшей сестрой Алией, маленькой и чересчур серьезной в свои двенадцать, и Нора, швея, на которую я когда-то работала, пока она могла мне платить. Многих девушек я не узнаю. Возможно, они приехали с ферм, стирающихся на мили за пределами нашей деревни, ради возможности работать в Эверлессе.

В толпе ходят мужчины с гербами Герлингов на одежде. Они кричат, выстраивая девушек в одну длинную очередь. Внутри разливается неприятный холодок, когда я узнаю одного из них – Айвана Тенбурна, сына капитана стражи Эверлесса. Теперь он сидит на своей лошади и с собственным гербом. Он был жестоким ребенком, неотступно следовал за Лиамом, все дети слуг боялись его. Однажды, когда отец Айвана был в отъезде, он заставил мальчиков с конюшни выстроиться в ряд и бил их по очереди по коленям хлыстом. Если кто-то кричал, то он ударял соседнего мальчика пять раз подряд. Он называл это игрой в щелчки. Я помню темные синяки на голених моего друга Тэма. Они не сходили неделями.

А еще я помню голос Роана, требующий, чтобы Айван прекратил это.

По телу пробегает страх, острый, как клинок на бедре Айвана. Прошло десять лет, но по тому, как Айван рывкает на девушек, чтобы они двигались, я понимаю: ничто не изменилось.

Я перехожу площадь, направляясь к Амме и Алие. Амма выглядит растерянной. На ней дорожный плащ, а за плечами висит сумка. Когда она замечает меня, на ее лице появляется улыбка облегчения.

– Поверить не могу! – она хватается за руки и заключает в объятия. – Все-таки уговорила отца отпустить тебя?

– Только на месяц-другой, – вру я, – если они выберут меня.

– Ну, думаю, он будет доволен, когда ты вернешься домой с двумя годами кровавого железа.

Я пытаюсь найти утешение в словах Аммы, пока она тянет меня в очередь. Я чувствую под своей ладонью ее пульс, быстрый и легкий.

– Я рада, что ты здесь. Это будет прекрасно, что мы все вместе. – Алия тоже улыбается мне.

Когда мы занимаем свои места, Айван и другие люди Герлингов совещаются, тихо переговариваясь, прежде чем повернуться к очереди девушек. За ними две открытые телеги с сеном, которые худосочные мальчишки с выступающими зубами, не старше двенадцати, вкатывают на площадь и останавливают. В это время Айван и его люди идут вдоль очереди, изучая подбородки, глаза и руки, заставляя девушек вертеться словно волчки.

– Что происходит? – шепчу я Амме.

Она лишь качает головой.

В животе появляется неприятное чувство. Я слышала, что лорду Герлингу нравятся молодые и симпатичные слуги, но никогда не думала, что с нами будут обращаться таким образом: сгонять, словно скот, и проверять, как лошадей, оценивая стройность ног и состояние зубов. Мне хочется сбежать, но я не могу заставить ноги двигаться.

С другого конца очереди мужчина изучает круглолицую незнакомую мне девушку с растрепанными волосами. Он хмурится и качает головой. Губы девушки дрожат. Она хочет что-то сказать, но он ее игнорирует и двигается к следующей в очереди, стройной женщине чуть старше двадцати лет. Он жадно улыбается ей и шепчет несколько слов. Женщина краснеет, выходит из очереди и спешит к телеге.

Осмотр продолжается. Примерно четверть девушек уже отправили к телегам, а остальных отвергли. По коже бегут мурашки каждый раз, как кто-то из людей Герлингов плотоядно ухмыляется или заставляет девушку поднять юбки, чтобы показать свои икры, но я хочу получить место в Эверлессе и потому молчу. Амма стала белой как снег, все еще лежащий сугробами на краю площади. Чтобы подбодрить ее, да и себя, я крепче сжимаю ее руку.

До нас остается пять девочек, три, потом одна. Я закусываю щеку, когда страж Герлингов возникает передо мной, и надеюсь, что отвращение не написано на моем лице. Я лишь благодарна, что это не Айван. Он улыбается, стоя так близко, что я чувствую его смрадное дыхание. К моему отчаянию, он берет меня за подбородок и поднимает лицо вверх. Я дергаюсь: иначе не получается. Мужчина смеется и тянет руку к моей груди.

Что-то происходит, и я снова вижу, как все вокруг замирает: время останавливается, даже воздух не двигается – хотя, кажется, никто, кроме меня, этого не замечает. На лице мужчины застыла гаденькая ухмылка. Я смотрю на испуганное выражение лица Аммы – крик готов вырваться из ее горла, – тянусь к ножу на поясе и заносу его перед собой, собираясь остановить мужчину.

Но потом внезапно жужжание в ушах исчезает, и мир снова начинает двигаться.

Страж и я смотрим в ужасе на тонкую, словно волос, красную линию, пересекающую его выдающийся живот: капли крови собираются по краям, пачкая его униформу. Я едва поцарапала его, но все равно... Внутри все переворачивается, когда я понимаю, что натворила.

Секунду он просто молча смотрит на меня, и вдруг остальные мужчины разражаются смехом. Лицо стража становится багровым от гнева.

– Маленькая паршивка, – плюет он, прижимая платок к царапине. – Я заберу из твоей крови десять лет...

Я опускаю нож и со слезами на глазах начинаю пятиться. Один необдуманный порыв – и я перечеркнула все шансы попасть в Эверлесс.

Но вдруг...

– Подожди-ка, Босли. – Айван неторопливо направляется к нам, его бархатный плащ развеивается за спиной, на губах играет усмешка, и я в панике: что если он узнает меня?

Но потом понимаю: он не злится – добродушная улыбка обращена ко мне, Айван меня не помнит.

– Мне нравится эта, – смеется он. – Быстро реагирует. Знает, как постоять за себя. Удивляюсь, что она не проткнула тебя, как свинью. – Другие мужчины смеются, а тот, который пытался облапать меня, награждает взглядом, полным ненависти, но не спорит.

Вместо этого его внимание переключается на Амму.

– Не с таким шрамом, – злобно говорит он.

Амма не верит своим ушам.

– Я буду усердно работать, – говорит она. – Клянусь. – И беспомощно смотрит на меня.

– У нас достаточно усердных работников, девочка, – огрызается мужчина. – Нам нужны красивые лица. Иди домой.

На глаза Аммы наворачиваются слезы.

– Пожалуйста, сэр... – Ее просьбу игнорируют, мужчина уже шагает дальше, к Алии, которая стоит и дрожит рядом со старшей сестрой.

Слишком поздно я понимаю, что Айван все еще смотрит на меня, но его улыбка исчезла. Он напрягся, готовый в любой момент меня ударить.

– Ну! Пошла к телеге.

Я в панике смотрю на Амму: мне и в голову не приходила мысль отправиться в Эверлесс без нее.

– Сэр, – прошу я, – она моя лучшая подруга. Пожалуйста, позвольте ей тоже поехать. – Боковым зрением я вижу, как другой мужчина подталкивает Алию к телегам, когда та оглядывается на сестру.

– Мне все равно, даже если она твоя чертова мать, – спокойно отвечает Айван. – Она остается здесь. Хочешь остаться с ней?

– Иди, – Амма смахивает слезы.

Под пристальным взглядом Айвана я крепко обнимаю подругу и прижимаю ее к себе.

– Приглядывай за моей сестрой, – шепчет она мне.

Она легонько толкает меня в плечо, чтобы я наконец выпустила ее из объятий.

– Иди!

Под молчаливые тяжелые взгляды толпы на ватных ногах я забираюсь в телегу, к другим отобранным девушкам: молодым, симпатичным, испуганным. Мы все оглядываемся на наших отвергнутых друзей, сестер. Очередь уже наполовину разошлась, и те, кому не повезло, исчезают в утреннем тумане. Когда площадь начинает пустеть, я вижу сборщика налогов, облокотившегося на прилавок лавки бакалейщика и наблюдающего за происходящим со скрещенными руками. Я неотрывно смотрю на него, пока он не встречается со мной взглядом и еле заметно кивает, словно ставя печать на нашем соглашении: он придет за долгом, когда я вернусь. Я наконец выдыхаю и бормочу еще одну молитву Колдунье.

Позаботься о моем отце.

Да простит он меня.

Мужчины ходят среди оставшихся девушек. Тридцатилетняя Нора отправлена домой. Маленькая Алиа уже сидит в телеге. Внезапно я вспоминаю, как в детстве спросила отца, почему в Эверлессе так много детей.

– Они работают почти так же, как взрослые, а платят им меньше, – ответил он раздраженным голосом. – Им больше некуда идти.

Смотр закончен, и около двадцати девушек расселось по телегам. Я заполучила свое место в Эверлессе, но совсем не чувствую, что меня удостоили какой-то особой чести. Для меня очевидно, что Амма, а не я, победила в этой игре, даже если подруга еще об этом не знает.

Но уже слишком поздно поворачивать назад. Телега трогается с места, в ней слегка пахнет навозом. Двенадцать девушек плотно, плечом к плечу, сидят на тюках с сеном. Я обнимаю

Алию за плечи – она тихо плачет и неотрывно смотрит на Крофтон, исчезающий позади нас. Напротив меня сидит женщина, Ингрид, с фермы в нескольких милях от нашей. Унизительный утренний отбор и пронзительный ветер, кажется, не испортили ей настроения.

– Слышала, что Эверлессу пять сотен лет, – шепчет она, когда деревня позади нас исчезает. Я нарочно не смотрю назад, потому что в глубине души боюсь, что просто выпрыгну из телеги и побегу домой. – Только представьте себе! Должно быть, младшие колдуны охраняют его стены!

Эверлесс не нуждается в магии, чтобы поддерживать стены, потому что для этого вполне годятся и деньги. Но у меня нет желания обсуждать восторженные догадки девушки, так что я просто отворачиваюсь и делаю вид, что крайне увлечена ландшафтом Семперы. Когда папа чувствовал себя лучше, он брал напрокат лошадь у друга и возил меня за пределы деревни. «Мы должны знать свою страну», – учил он меня, и я гадаю, собирался ли он когда-нибудь сбежать из Крофтона, если бы мы снова привлекли внимание Герлингов.

Помимо Ингрид, все остальные большей частью молчат. Мне передается нервозность девушек, когда равнины превращаются в леса, взгромоздившие над нами огромные старые сосны. Земля принадлежит Герлингам, но даже они не охотятся здесь: эти леса пугающие, старее, чем тот, по которому я бродила вчера, и намного мрачнее.

Наконец Алиа решается заговорить:

– Калла сказала, что в этих лесах живут фейри. – Она смотрит по сторонам широко распахнутыми глазами. Как и большинство в Крофтоне, она не выходила дальше чем на три мили за границы деревни, кроме как во время того путешествия с матерью, которое они проделали, чтобы спастись.

– Сушая правда! – восклицает девушка, сидящая спереди. – Они заманят тебя своей красотой, а потом выпьют время из твоих вен. – Очевидно, что она дразнится, но в ее голосе слышатся тревожные нотки.

– Это правда! – поддерживает другая девушка; ее рыжие волосы выются так, как не может быть от природы. – Был случай с моей тетей. Она потерялась однажды в лесах и проснулась старой женщиной.

– Скорее всего, соврала, а время продала, – бормочет кто-то.

– Фейри – не самое худшее. – У этой девушки красивая темная кожа и живые голубые глаза, она была одной из первых отобранных. – Именно в лесу бродит Алхимик. Он все еще носит сердце Колдуньи с собой в бумажном мешке.

– Нет, он съел ее сердце, – поправляет Ингрид.

– Ну, – говорят другие, закатывая глаза, – он заберет и ваши сердца, если будете бродить среди деревьев. Даже Колдунья не сможет вас спасти.

Алиа тревожно вскрикивает:

– Почему? Зачем он забирает сердца?

– Он ненавидит людей, так что отдает время из их сердец деревьям! – начинает одна из девушек.

– Прекратите этот бред, – встревает кто-то еще.

Но губы Алии дрожат, так что я наклоняюсь к ней ближе.

– Не обращай на них внимания, – шепчу я. – Это всего лишь легенды. В лесах нет ничего страшного. – Я не заканчиваю мысль: уж не знаю насчет Алхимика, но монстры, с которыми она встретится в Эверлессе, опаснее любых фейри.

Потом лес внезапно редет, и мы оказываемся в Лаисте, маленьком процветающем городе, окружающем стены Эверлесса, где не разрешено строить дома выше одного этажа. Помню, как папа рассказывал, что предки Герлингов вырубали деревья и выровняли холмы на мили вокруг Эверлесса, чтобы люди на стенах могли видеть всех, кто приближается к поме-

стью. Впереди уже маячат стены из песчаника, на которых дежурят дюжины стражников. Изда- лека они похожи на кукольные фигурки.

Я невольно пригибаюсь, когда телега скрипит по узким улицам Лаисты, направляясь к воротам. Когда мы оказываемся совсем близко, один из стражников на стене приказывает нам остановиться.

Мир вокруг затих, все замерло, кроме биения моего сердца. Алия сидит рядом со мной с открытым ртом, прядь волос приклеилась к нижней губе. Сверху на стене неподвижно стоят стражники с каменными лицами. У меня такое чувство, словно весь мир сейчас сосредоточен в одном-единственном моменте.

Потом слышится громкий скрежет: деревянно-металлические плиты в фут шириной, с железными вставками, сотрясаясь, приходят в движение – и наша телега движется вперед.

Мы оказываемся внутри.

4

Эверлесс – лес башен и частоколов, трехстворчатых окон с витражными стеклами, бал- конов, увешанных зелеными и золотыми флагами. Аллея ухоженных деревьев делит местность напополам. На одной стороне дорога оканчивается воротами, через которые мы прибыли. А на другом конце – я точно знаю, хоть мне и не видно, – чернеет старое озеро.

Я наслаждаюсь видом: лужайка покрыта сверкающим снегом, серебряные капли дрожат на голых деревьях. Больше всего Эверлесс мне нравился летом, когда на клумбах благоухали цветы и садовники привлекали детей вырывать одуванчики, портящие изумрудную лужайку. Но бледный зимний свет делает поместье еще более красивым, словно вырезанным из серебра и хрусталя.

Мы спрыгиваем с телег и ждем во дворе, когда старый лакей с обрюзгшим лицом загонит нас в узкий коридор для слуг. Я низко наклоняю голову, сердце колотится в груди: уверена, что кто-нибудь вот-вот узнает меня, но слуги едва смотрят на нас.

Мы идем сквозь лабиринт коридоров и череду комнат слуг. Память подбрасывает воспо- минания: Роан узнал, что если прижать ухо к стене, то иногда можно услышать, как взрослые разговаривают в главном коридоре над нами. Аристократы большей частью сплетничали о том или ином знакомом, развлекающем себя очередной интрижкой, или обсуждали перспективы собственных вложений. Мы были слишком малы, чтобы понять, что они имели в виду: куп- ленные, проданные или обменные столетия. Время от времени Роан говорил со мной через стену, когда не мог спуститься в коридоры для слуг, чтобы поиграть. Даже тогда его голос, его смех заставляли мое сердце биться быстрее.

Мы в молчании идем дальше по коридорам мимо снующих туда-сюда слуг. Не знаю, то ли все ужасно заняты, подготавливая замок к визиту Королевы и свадьбе Роана, то ли Эверлесс так изменился, что теперь здесь еще меньше терпят болтовню и смех.

Вскоре мы оказываемся на кухне, которая чем-то напоминает пещеру, где поместились бы целых три моих коттеджа в Крофтоне. В кухне полно слуг и стоит невероятный гвалт: раз- ные языки и акценты смешиваются и звучат словно диковинная мелодия. Как и Семперу, Эвер- лесс населяют выходцы из разных стран. После восхождения на трон Королева ужаснулась, увидев, каким слабым и уязвимым государством управляет, и предложила сотню лет каждому, кто захочет переехать в Семперу, но закрыла границы для путешествий и торговли. Пересе- ленцы могли въезжать, но не могли покидать страну.

Вокруг огромного таза сразу несколько розовощеких молодых слуг разделяют огром- ный кусок говядины. Я с сожалением вспоминаю о том, как ловко Амма годами разделявала и высушивала мясо – по сравнению с ее умелыми руками эти слуги очень медлительные. Если так дальше пойдет, мясо испортится до того, как они закончат.

Я выхожу из толпы и иду к ним, чтобы предложить помощь, но один из слуг чуть ли не рывкает на меня:

– Найди себе работу.

Я отхожу и замечаю у него на руке белую тонкую линию. Это шрам от продажи крови. Интересно, он зарабатывает кровавое железо для себя или еще для кого-то?

Вдоль огромной деревянной столешницы выстроились в ряд молодые слуги и режут горы овощей. За следующим столом, покрытые мукой с ног до головы, другие месят, раскатывают и режут валики теста, придавая им форму. Из двух внушительного размера печей вырываются языки пламени, а дюжина горшков шипит, булькает и брызгается, наполняя комнату ароматным паром. Запахи кружат мне голову. Я не ела ничего, кроме хлеба, который утром взяла из шкафа.

Невероятно красивая высокая девушка с копной кудрявых волос, одетая в цвета Герлингов, заходит в кухню с серебряным подносом в руках и опускает его на деревянный прилавок. Сразу несколько слуг в коричневой униформе ставят на него тарелки с подрумяненными пирожками, маленький бронзовый чайничек и украшенные узорами столовые приборы. В ожидании девушка хватается лежащую тут же веревочку и подбирает волосы.

– Лорд Герлинг отвел меня в сторону сегодня утром, – говорит она со светящимися глазами. Ее руки усыпаны веснушками. – Он хочет, чтобы я прислуживала Королеве, когда та приедет. Леди Верисса согласна.

Другая девушка фыркает.

– Мы все знаем, почему он так решил, – говорит она, не отрывая глаз от лука, который нарезает.

Седовласая женщина в красиво украшенном фартуке прокладывает себе путь по кухне, и несколько слуг следуют за ней, словно утята за мамой.

– Эдди, – обращается она к высокой кучерявой девушке. – Ты все еще служишь леди Герлинг, а не Королеве, – резко замечает она. Эдди быстро берет в руки поднос. – А теперь иди.

Лицо женщины кажется знакомым и вызывает чувство теплоты и безопасности, хотя я не могу вспомнить ее имя. Она приветствует каждую новую девушку поместья Эверлесс коротким вопросом, а потом распределяет между ними обязанности.

Подойдя ко мне, она останавливается. Мгновение хмурится. Узнает ли она меня? Но момент неуверенности быстро проходит.

– Как тебя зовут? – спрашивает она.

Я подумываю о том, чтобы назваться выдуманным именем, но потом вспоминаю первое правило папы насчет вранья: говори правду, когда это возможно.

– Джулс, – отвечаю я. Достаточно распространенное имя. – Из Крофтона.

– Джулс, – повторяет она за мной. – Ты уже раньше прислуживала? Мне нужно, чтобы кто-то доставлял подносы в покои леди и лордов без лишней суеты. И, ради Колдуньи, мне нужна девушка, которая не разнервничается и не уронит поднос.

За ней одна из служанок краснеет до кончиков ушей: она выглядит как та, что легко уронит поднос.

Я качаю головой. Когда она хмурит лоб, я добавляю:

– Но я быстро учусь. И меня сложно смутить.

Я жду еще вопросов. Но вместо этого женщина еще раз меня осматривает, а потом кивает.

– Давай тогда испытаем тебя, Джулс из Крофтона. – И, вскинув бровь, она разворачивается и уходит прочь.

* * *

В детстве в Эверлессе я жила с папой в трех комнатах в хижине кузнеца. У нас, как и у придворных дам, дворецкого и его помощника, имелись собственные комнаты. Они были маленькие, пропахшие насквозь дымом, но наши.

Теперь я понимаю, как нам повезло. Спальня служанок – длинный холл, напоминающий улей, – заставлена по меньшей мере двумя сотнями кроватей, придвинутых так близко к другу другу, что если мы на них ляжем, то можем легко взяться за руки.

Я рада, что оказалась права: никто не узнает меня, даже слуги, которых я помню еще с тех дней. Десять лет голода и холода изменили меня – никто теперь не признает во мне дочь кузнеца; может, только если папа встанет рядом, на десять лет моложе и в своем фартуке. Ни у кого нет времени разглядывать меня, и я легко смешиваюсь с толпой новых слуг, приглашенных в Эверлесс для подготовки свадьбы. Застолбив себе одну из узких кроватей и переодевшись в коричневую униформу кухонной прислуги, я спешу вниз по лестнице.

Главная повариха в узорчатом фартуке – Лора – говорит так быстро, что едва успеваешь уловить ее инструкции. Она ходит вразвалку, словно качается вниз и вверх на невидимых океанских волнах. У Лоры до колена ампутирована левая нога – вместо нее аккуратно выструганный деревянный протез со ступней, на которой нарисован красный ботинок, весь в пятнах и разводах от овощей. Лора родилась в деревне на юге и девушкой переехала в Эверлесс, чтобы заработать достаточно денег и прожить дольше тридцати лет, отведенных ее отцу и матери. Думаю, она не питает большой любви к Герлингам, но хорошо устроилась у них на службе.

Лора перечисляет правила, связанные с Королевой, в третий раз: не говорить, если тебя не спрашивают, не поднимать глаза и никогда не касаться ее ни при каких обстоятельствах, – а потом внезапно замолкает и прищелкивает языком.

– Кажется, ты сейчас свалишься. – Затем берет со стола маленькую булочку с кусочком сала и большое яблоко. – На, поешь, – мягко говорит она. – А потом отнеси остальное парням в конюшне. Найдешь, как туда добраться?

Я киваю, гоня прочь воспоминания о запахе лошадей и влажного сена и смехе Роана: мы носимся между стойлами, и я пытаюсь догнать его, хотя мне едва удастся ухватить кончик его бархатного плаща, когда он исчезает за углом.

– Хорошо, – она треплет меня по щеке.

Я жадно съедаю хлеб там же, за столом. Распределение новичков еще не закончилось: они будут швеями, прачками, прислужницами, встречающими сотни гостей, которые съедутся на свадьбу. Эдди вернулась в кухню, чтобы раздать им задания. Самые красивые девушки станут прислуживать леди и лордам.

Доев яблоко, я беру поднос и выхожу из кухни. Сейчас Эверлесс кажется меньше, чем когда-то, словно это его искаженная копия из моего кошмара. Вон там я пряталась за реликварием и бросала косточки от оливок в зал в надежде, что очень старый дворецкий Джирольд поскользнется на них. Там нацарапала свои инициалы на камне, когда мы вместе с Роаном сидели здесь и прятались от Лиама, обозвавшего меня. Кто-то потом стер их, но я все еще могу разглядеть едва заметные призрачные буквы.

Я касаюсь их и улыбаюсь, а потом быстро отдергиваю руку. Фантазии. Те года, те счастливые воспоминания были стерты, как надпись с этих камней. Теперь они просто призраки прошлого.

Всего лишь на мгновение я прижимаю ухо к стене в коридоре для слуг, надеясь услышать голос Роана Герлинга.

За углом встречаю маленького мальчика лет девяти. Он держит еще один поднос, серебряный, не жестяной, с мясом, пирожными и фарфоровым чайником. Мальчик сидит на ступенях у подножия лестницы слева и, кажется, вот-вот расплачется.

– Ты потерялся?

Мальчик вскакивает, едва не опрокинув поднос, но тут же расслабляется, увидев меня.

– Леди Сиды никому не позволяет подняться к ней, кроме Харлоу, – говорит он, запыхавшись. – Но Харлоу уехала домой, чтобы родить, так что я должен принести ей это. Но леди не нравятся мальчики. Том говорит, она откусит мне уши. – Он вздрагивает, опускает взгляд в пол.

Я предполагаю, что Харлоу – служанка леди Сиды. Мой взгляд скользит по узкой темной лестнице за спиной мальчика, и я вспоминаю, куда она ведет. У аристократов есть традиция: самые старые из них живут на самых высоких этажах замка. Леди Сиды занимала эти покои со дня моего рождения. Никто точно не знает ее возраст, но все дети шепчутся, что ей больше трех сотен лет. От мысли о ней по коже бегут мурашки. Она уже на пределе того, как долго кровавое железо может поддерживать человеческую жизнь, кроме Королевы, чье невероятное долголетие, как говорят, – дар Колдуньи до ее исчезновения. Пять веков назад, когда слухи о кровавом железе расползлись повсюду, захватчики пришли со всего мира, чтобы завладеть невероятным даром. Королева, в то время всего лишь одаренный молодой генерал, привела армию Семперы к победе.

Что видела леди Сиды за свои три века? Меня охватывает нездоровое любопытство, и я сажусь на корточки перед мальчиком.

– Это предназначено для конюших, – я ставлю на ступени свой поднос. – Обмен?

Он моргает:

– Ты не боишься?

Когда в детстве мне было грустно или страшно, папа отвлекал меня шуткой или историей. Не уверена, что я тоже так умею, но протягиваю мальчику руку:

– Меня зовут Джулис. А как тебя?

– Хинтон, – он пожимает руку, поглядывая на меня с сомнением.

– Не бойся стариков, они безвредны. – Хотя сама я боюсь их и всегда боялась. Некоторые старейшины рода Герлингов выглядят на сорок, но многим из них около ста сорока лет. Сложно определить по виду, пока не подойдешь достаточно близко, чтобы увидеть голубые вены, пульсирующие под кожей, или не услышишь, как они теряют нить разговора посреди предложения. Поговаривают, что когда кто-то живет столетиями, как леди Сиды, он уже и не человек вовсе. Легко рассуждать об этом, так как никто из нас точно ничего не знает.

– Но я все равно отнесу поднос за тебя, если хочешь.

– Спасибо, – на его лице появляется улыбка.

Мальчик успевает исчезнуть еще до того, как я поднимаю его поднос.

Я иду по лестнице в темноте, пытаюсь унять дрожь в руках. Леди Сиды принадлежит к роду Герлингов не по крови. Старшие слуги рассказывают, что ее мать была ведуньей и будущий муж привез леди Сиды в Эверлесс, чтобы выведать секреты времени. В детстве я видела ее лишь издали, когда она спускалась из башни по праздникам. Леди Сиды всегда требовала странные, изысканные и старомодные блюда: медовое вино, засахаренные лепестки роз, запеченных певчих птичек. И если вы ее рассердили, согласно слухам, она могла украсть год из вашей крови одним лишь взглядом и проглотить его целиком.

В конце лестницы деревянная дверь, украшенная резьбой: четырехконечная звезда – символ столетия, как луна символизирует месяц, а солнце – год. Я поднимаю медную колоушку и стучу ею по центру звезды.

Какое-то время никто не отвечает.

– Войдите, – произносит голос так тихо, что я едва слышу.

Плечом я открываю дверь и захожу внутрь, держа поднос перед собой как щит.

Огромная и темная комната освещается лишь слабым огнем в камине и жидким дневным светом, льющим из окна. Она заставлена бархатными креслами и шелковыми подушками, полками, прогибающимися под тяжестью кожаных томов, а туалетный столик завален украшениями и серебряными расческами. Большая часть всего этого покрыта густым слоем пыли, словно леди Сиды веками не позволяла слугам ни к чему прикасаться.

– Принеси поднос.

В слабом дневном свете я вижу старую женщину, которая смотрит на покрытую снегом лужайку Эверлесса. Она высокая, элегантная, но какая-то бескровная. Ее кожа потемнела и истончилась с возрастом, длинные, некогда черные волосы теперь белы как кость. Глаза светло-карего цвета. На женщине платье с прямой юбкой – такие никто уже давно не носит, – кружева украшают запястья и горло, и я гадаю: она не знает ничего о моде или просто больше не следит за ней?

– Ты не Харлоу, – говорит она. Ее голос колючий, как старая шерсть, но громкий. – Что случилось с Харлоу?

– Харлоу уехала домой рожать, миледи, – отвечаю я.

Осторожно приближаюсь к ней, обходя подушки.

Леди Сиды молча, пристально рассматривает меня, руки сложены на коленях. Возможно, она так и провела целый день, просто глядя в окно. Я злюсь. Она прожила дольше, чем половина Крофтона вместе взятая, – годы, полученные от налогов на землю, как те, что сборщик забрал из крови папы вчера, – и вот как она проводит их! Пялится из окна на замерзшие лужайки Эверлесса!

– Это ромашка? – она рассматривает чайник на подносе. – Харлоу знает, что я ее не пью. Ромашка – к неудаче, знаешь ли.

Я не знала.

– Нет, мэм, – говорю я. – Мы специально сварили его для вас.

Она двигает челюстью, словно что-то жует, прежде чем ответить.

– Какие новости ты принесла?

– Новости, миледи?

– Бесплезная девчонка, – плюется она, маша рукой, словно отгоняя муху. – Как скоро приедет Королева?

– Через два дня, миледи. – Я слышала, как взволнованный персонал внизу обсуждал дату приезда. Один месяц на приготовления Королевы и леди Голд к свадьбе, а накануне весны Роан женится. Я напоминаю себе, что у меня нет никаких прав на Роана, никаких.

– А девушка? Девушка Роана?

– Она приедет с Королевой, миледи. – Девушка Роана. Грудь сжимается от ее слов. Я чувствую, что к лицу приливает жар, и надеюсь, что леди Сиды не заметит этого.

– Никто из приемных детей ее величества не прожил достаточно долго, чтобы занять трон, не так ли? Почему Роан думает, что с его девушкой будет по-другому? – бормочет она, снова обращая свой взгляд на окно.

Я колеблюсь, не зная, должна ли игнорировать ее бормотание или отвечать на него. Это правда, у Королевы и раньше были приемные дети. Согласно историческим записям, один ребенок умер от чумы, пронесшейся по стране десятилетия назад. Другой – во время нападения на дворец. Третий утонул. Все они умерли до моего рождения. В действительности меня не особо волнует королевская семья или что-либо во дворце – папа всегда говорил, что сплетни и пустая болтовня не купят тебе хлеба, – но меня заинтересовал намек старшей Герлинг: королева никогда не умрет и никогда не передаст свой трон.

Чувствуя прилив храбрости, я отвечаю ей:

– Но Королева назвала Иду Голд своей наследницей, миледи.

Леди Сиды, прищурившись, смотрит на меня, и улыбка расплывается по ее лицу.

– Говорю тебе, она ест их сердца, чтобы оставаться молодой.

Ее слова повисают в воздухе. Я не питаю особой любви к Королеве, но дикие обвинения все еще заставляют меня дрожать, словно в предчувствии удара. Это пахнет безумием, хотя леди Сиды не выглядит безумной: она стара, но ее голос крепок, а разум ясен. Она дразнит меня. Хинтон был прав, что боялся. Я как можно быстрее ставлю поднос на столик рядом с ней и жду, когда меня отпустят.

Но она делает кое-что, отчего внутри меня все еще больше холодеет: достает нечто сверкающее из нагрудного кармана. Через мгновение я понимаю, что это годовая монета, шириной практически с мою ладонь и отливающая золотом. Год жизни. Я еле сдерживаюсь, чтобы не выхватить монету из иссохшей руки и не броситься домой к папе.

Интересно, как далеко я убегу, прежде чем меня настигнет Айван.

– Размешай ее, – нетерпеливо говорит она. – Поспеши, пока чай не остыл.

Колеблюсь, я протягиваю дрожащую руку – эта вещица может подарить папе целый год жизни.

В руках леди Сиды – жизнь, которую забрали у кого-то другого.

Монета, такая тяжелая и плотная в руке, растворяется словно мед, когда я кладу ее в чашку. Леди Сиды подносит напиток к сухим губам и делает долгий, неспешный глоток. Возможно, это только кажется, но румянец приливает к ее щекам.

Не ожидая, когда меня отпустят, я приседаю в реверансе и спешу вон из комнаты, потрясенная переменами в старухе, в чью кровь попадает очередной год. Теперь чувства, которые вспыхивают во мне при упоминании Роана, кажутся еще большим предательством – себя, Крофтона, папы. Как может нравиться человек, для семьи которого год жизни – что кусочек сахара? Человек, чья семья разрушила мою и еще многие жизни?

5

Когда вечером я наконец падаю на свою нижнюю койку, мои руки и ноги налиты свинцом от усталости. Но, как только закрываю глаза, вижу восковое лицо леди Сиды, а ее странные слова не дают мне уснуть. Мне доводилось слышать много слухов и перешептываний о Королеве, но я не ожидала услышать их от Герлингов.

Снова и снова прокручивая ее слова в голове, я начинаю думать, что не такие уж они и абсурдные. Сама мысль о том, что ей подарила жизнь Колдунья, куда более абсурдна. Раньше мне никогда не приходилось задумываться о Королеве – все наши с папой мысли были о выживании. Но...

– Джулс, – я слышу шепот. Алиа свешивается с верхней койки в паре метров от меня. Даже в темноте я вижу, как она напугана, хоть день в прачечной, куда ее распределили, порядком вымотал Алию. – Мальчик сказал мне, что Алхимик *действительно* бродит по лесу, – говорит она. – Сказал, что он когда-то жил здесь. Он сказал...

Но соседка по кровати, немолодая швея, мягко шикает на нее.

– Дорогая, если я расскажу тебе настоящую историю, ты перестанешь болтать и дашь мне поспать? – В голосе женщины слышится намек на озорство, но не злобу. Алиа кивает. Женщина улыбается и смотрит на меня понимающим взглядом. – Никто не знает, откуда они пришли – двое детей, бродивших по Семпере до кровавого железа, никогда не расставаясь и не взрослея. Алхимик превратил землю в свинец, а свинец – в золото. Колдунья сделала так, что цветы распускались зимой.

Я улыбаюсь, думая о том, как бы Амма ворчала, если б узнала, что Алиа поздно ложится, чтобы послушать сказки. Сложно поверить, что существовал мир без кровавого железа. Да и

к чему эта вера, если мы в ловушке окружающей действительности? Но если этот мир когда-то и правда существовал, то после рассказа швеи я начинаю скучать по нему.

– Но лорд, живший в этом поместье, стал завидовать. Поэтому он заточил их здесь и потребовал, чтобы они нашли способ сделать его бессмертным, ведь он видел, как это делала Колдунья с деревьями и цветами.

Она прекрасный рассказчик, и ее история захватывает меня словно песня. Мне и папе пришлось оставить книги, когда мы бежали из Эверлесса, и он с тех пор скрывал презрение ко всякого рода историям. *«Ты не можешь позволить себе витать в облаках»*, – сказал он однажды, когда я попросила рассказать одну историю, лежа в холодной кровати в Крофтоне. Больше я никогда не просила.

– Именно в чаще леса на его землях Колдунья, заточенная в маленькой комнатке, при помощи самых примитивных инструментов вплетала время в кровь, а Алхимик нашел способ связать кровь и железо, чтобы лорд мог красть время у своих подданных и есть его сам! – Я не вижу, но чувствую: уже и другие в комнате слушают ее рассказ. – Какое-то время лорд был доволен. Но вскоре заметил, что его глаза теряют цвет, а память пропадает. Смерть подкрадывалась к нему. Вне себя от ярости, он потребовал, чтобы они нашли для него способ жить вечно. – Алия садится прямо, прижимая колени к груди. – Однажды Алхимик объявил, что совершил невозможное – превратил кусок свинца в чистое время. И лорду нужно было лишь съесть его.

– Но Алхимик был умен, – шепчет Алия.

– Верно, – отвечает довольная швея. – Жестокий лорд был отравлен и умер, и это позволило Алхимику и Колдунье сбежать. Они расстались и вскоре поняли, что их магия такая сильная, что проникла в кровь всех людей Семперы.

– Но почему они расстались? – спрашивает Алия.

– Алхимик не сказал Колдунье, что за их магию, создавшую кровавое железо, им пришлось дорого заплатить – бессмертием самой Колдуни. Она разозлилась из-за его предательства. – Интонация швеи становится трагической. – Хотя только через многие поколения первый волос на ее голове поседел, она старела. В отличие от Алхимика, Колдунья любила жизнь и этот мир и не хотела его покидать. В конце концов она поборолла свою гордость и вернулась к старому другу в поисках бессмертия.

В другом конце спальни еще одна женщина слабым, тонким голосом подхватывает рассказ:

– Алхимик сказал ей: «Чтобы сделать тебя бессмертной, мне нужно получить на хранение твое сердце». Тогда она превратила свое сердце в слово и прошептала ему на ухо. Его горло двигалось, словно он проглатывал его. А потом он передал ей несколько камушков и велел их съесть: и тогда она будет жить вечно.

Со всех сторон слышен шепот: «Лжец!», «Вор!». Я закрываю глаза и пытаюсь представить, каков камень на вкус.

– Девочки, тише, дайте мне закончить, – говорит старая швея. – Но Колдунья помнила, как Алхимик обманул богатого лорда. Подозревая еще одно предательство, она решила, что нужно заставить Алхимика съесть маленькие камушки – всего двенадцать – и потом утопить его. Так она и сделала.

Алия вскрикивает.

– Дальше произошло нечто интересное, – продолжает швея театральным шепотом. – Колдунья увидела, как серебряная тень поднялась из бездыханного тела Алхимика и бросилась прочь, слишком быстрая, чтобы ее догнать. Внутри этого серебра что-то горело темно-красным огнем и пульсировало. Очень поздно Колдунья поняла, что Алхимик действительно ее обманул: он украл ее сердце.

– И она не смогла его вернуть? Сердце? – спрашивает Алия. Но я не слышу ответа швеи: тяжелый, беспокойный, кошмарный сон проглатывает меня.

* * *

На следующий день Лора сообщает мне, что я буду прислуживать на небольшой вечеринке знати в одном из самых красивых павильонов Эверлесса: закрытом садике, который круглый год обогревается с помощью костровой ямы, питаемой расплавленным кровавым железом. Время заставляет огонь гореть ярко и долго. Я пытаюсь скрыть злобу, которую вызывает у меня это воспоминание.

Весь день она учит меня и нескольких других служанок искусству прислуживать незаметно: наша роль, объясняет Лора, состоит в том, чтобы Герлинги думали, что еда вдруг возникает из ниоткуда. Моя задача – следить, чтобы вино в бокалах не заканчивалось.

Из погреба, выходящего в окруженные стеной сады, доносится аристократический, музыкальный смех Герлингов, звон бокалов. Друзья, родственники и другие благородные семьи, связанные временем, собрались в Эверлессе в последние недели перед свадьбой. Скорее всего, они хотят похвастаться, что одними из первых встретились с Королевой и ее наследницей. Аристократов больше, чем обычно: я насчитала почти двести знатных господ. Каждый вечер обеденный зал полон и сияет обилием украшений и роскошными нарядами. Я нервничаю, представляя, что надо будет прислуживать им, зная, что папа хотел больше никогда не возвращаться в поместье.

А если я увижу Роана? Помнит ли он то происшествие? Винит ли папу, своего брата или меня? Не забыл ли меня вообще?

– Ну-ну, хватит хмуриться. – Лора толкает меня, проплывая мимо с огромным тортом в руках, украшенным сахарной ватой. – Сегодня они выпьют слишком много вина, чтобы заметить ваши ошибки.

– Или, наоборот, придут в ярость, – замечаю я.

Но Лора уже ушла.

Я сжимаю ручку графина с вином так сильно, что боюсь сломать ее. Мне пришлось прикрыть лицо волосами: хоть я больше не та тощая девочка с костлявыми коленями, мне все еще ужасно страшно, что Лиам вспомнит меня. И я очень боюсь, что Роан *не* вспомнит.

Маленький по сравнению с огромными залами Эверлесса садик, окруженный стеной, мерцает в свете фонарей. Дым от них тонкими струйками поднимается в небо. Ивы слегка покачиваются на ветру. В воздухе смешались терпкие запахи цветов и вина. Такое чувство, словно наступила весна, хотя небо над головой по-зимнему холодное. За стеной я вижу флаги Эверлесса, развевающиеся на ледяном ветру, но здесь он превращается в мягкий, прохладный бриз, укрошенный огнем времени.

В середине сада в бронзовой клетке потрескивает огонь, отдавая все вокруг теплом. Он горит красиво, но, когда я думаю о потраченном впустую времени, внутри все вскипает от гнева. Я быстро отворачиваюсь.

Аристократы плавают по саду: женщины в роскошных бархатных и шелковых платьях, мужчины, высокие и статные, с темными или серебристыми волосами. Золотые кольца блестят на десятках пальцев. Трио музыкантов наполняет сад слащаво-нежными аккордами.

Я ищу взглядом Роана, но, к своему ужасу, первым замечаю Лиам: он прислонился к увитой виноградной лозой стене в другом конце сада и разговаривает с матерью, леди Вериссой.

Один его вид сразу заставляет меня почувствовать себя ребенком. Лиам всегда держался особняком в нашей маленькой компании друзей, молчал и наблюдал со стороны, в отличие от

общительного Роана. Иногда он появлялся в дверях, тихий, словно тень, и наблюдал, как мы играем. Я опасалась его уже тогда, но Роан боготворил брата.

Теперь я прихожу в ярость, думая о том, как добр он был к нему и как легко тот предал его. Хотя, чтобы предать, нужно что-то чувствовать к тому, кого предаешь, а я сомневаюсь, что Лиам Герлинг вообще знает, что такое чувства. Да и откуда ему знать?

Точно не от своей холодной матери, леди Вериссы. Ей, должно быть, пятьдесят или даже шестьдесят, хотя выглядит она на тридцать, сияет в изумрудном шелковом открытом платье. Она как-то пугающе красива, с острыми скулами и темными сине-сиреневыми глазами.

Я обхожу их стороной и начинаю прислуживаться.

Графин быстро пустеет – еще один прекрасный способ провести так много столетий, потратив их на выпивку, хотя какая разница, когда у тебя в распоряжении столько времени, – и я собираюсь вернуться на кухню, чтобы наполнить его, когда женщина щелкает пальцами в мою сторону.

– Ты. Подойди.

Я поворачиваюсь, взгляд опущен. Незнакомая загорелая аристократка, на чьем кулоне герб Ренальди – танцующий медведь, – смотрит на меня, выжидающе держа бокал для вина. Она всего в нескольких футах от Лиамы и Вериссы.

Понимая, что отказ налить вино привлечет внимание, я спешу к ней, надеясь, что мой чепчик служанки скроет лицо, а темнота и время – все остальное. Внезапно до меня доносится голос леди Вериссы, хотя она, очевидно, пытается говорить как можно тише.

– Здесь дочь лорда Шайлера, – слышу я. – Познакомься с ней.

– Ты не знаешь, как ее зовут, но знаешь, что из нее выйдет отличная жена? – интонация Лиамы саркастична.

– Это не имеет значения... – она замолкает, а потом добавляет спокойнее: – Ты не можешь унаследовать Эверлесс, оставаясь холостяком.

– Достаточно, дура. Ты что, не видишь, что бокал полон? – резко говорит женщина с гербом Ренальди, и я быстро отхожу от нее. Она разворачивается и уходит, по пути кидая в бокал что-то маленькое и блестящее.

Но я все еще остаюсь в тени, потому что жажду дослушать разговор леди Вериссы и Лиамы. Мне приятно представлять, как Лиам делает что-то, что ему не нравится, хотя мне и жаль бедную девушку, которой придется выйти за него замуж.

– Пусть Роан наследует. Ему это понравится больше, чем мне. – От этого голоса у меня мурашки по всему телу. Я не вижу лица Лиамы, но хорошо представляю его рассерженный взгляд.

Леди Верисса суетится:

– Ты, как и я, знаешь, что Роан...

Ее слова тонут в пьяных приветственных криках гостей. Я ишу источник шума – и чуть не вскрикиваю. Я видела Роана Герлинга несколько раз за последние годы, когда он навещал Крофтон, но всегда только издали: наблюдала из-за прилавка, пока он объезжал деревню на лошади.

Сейчас все по-другому. Роан стоит у ворот сада рядом со своим отцом, лордом Николасом, всего в нескольких метрах от меня. На нем элегантный черный костюм, золотой платок повязан вокруг шеи. Отблески пламени мерцают в голубых, как небо, глазах.

Я забываю все при виде него: и тот факт, что его семья – причина нашего падения и бедности, и то, что он помолвлен с девушкой, чья красота, как говорят, – доказательство существования колдовства. На мгновение мне кажется, что этот сад – единственное место во всем мире, где я хотела бы быть этой ночью и наблюдать, как Роан улыбается.

В следующую же секунду отчаянный крик заглушает шум разговоров. Краснолицый аристократ держит другую служанку за запястье. Это Бея, я раньше встречала ее на кухне. На его голубом камзоле расплзается пятно от вина, в ее трясущейся руке – графин.

– Простите меня, – заикается она.

– Глупая девчонка, – рычит он, – я заберу твой месяц, и тогда ты, может, научишься следить за руками. – Его слова звучат нечетко, а глаза вылезли из орбит от ярости. Он выхватывает нож из-за пояса. Кажется, время плавится, замедляется, тает, как сосулька на солнце.

В следующую же секунду я вижу, что Роан стоит за ним и держит за плечо, одновременно аккуратно забирая нож.

– Лорд Болдвин, – говорит он с усмешкой, – не нужно пугать бедное создание. В любом случае это ужасная рубашка. Вы должны благодарить ее за оказанную услугу.

Все смеются. Мужчина моргает, и создается такое впечатление, что заклятие снято: он отпускает Бею, которая бросает благодарный взгляд на Роана. Тот берет графин из ее рук, и она исчезает в толпе.

– Вот, – Роан хлопает Болдвина по спине и наливает ему вино из графина сам. – Вино может исправить многое, не так ли? Выпейте со мной, мой друг.

Сама того не желая, я подошла к ним ближе, влекомая голосом Роана, его улыбкой, добротой, как пробившийся росток, который по весне тянется к солнцу.

А потом мы встречаемся взглядами, и я забываю, как дышать. Он поднимает бокал и подмигивает мне, выпивает, а потом разбивает бокал под одобрительные крики. Я успеваю заметить, что Лиам по-прежнему злится в углу.

Вступает музыка, гости начинают танцевать, и Роана уносит толпа. Мое сердце бешено стучит. Я вся дрожу от страха: Роан узнал меня. Сомнений быть не может.

6

В ту ночь мне наконец удастся написать два письма: одно – Амме, другое – отцу. В день, когда ожидают приезда Королевы и ее свиты, у меня есть пятнадцать минут, чтобы проглотить скудный завтрак и сбегать в конюшню и поймать одного из курьеров, ежедневно навещающего в деревню.

Я написала Амме правду: что Лора, кажется, благоволит мне, хотя странно это проявляет, отправляя меня на задания с утра до ночи, поэтому когда я добираюсь до постели, то едва могу расчесать волосы перед сном.

Но скрывает, что каждый раз, раздавая жалование, Айван задерживается возле нас и ухмыляется и что я могу это выносить только благодаря тому, что вокруг меня другие девушки, всякий раз радуясь, что не Лиам раздает кровавое железо, которое звенит в моем кошельке. Не написала я и о том, что пытаюсь гнать от себя мысли, у какого несчастного мужчины или женщины Герлинги забрали его, вспоминая очередь готовых отдать часы, дни, годы из крови.

Я не спала часами, согнувшись над свечкой, подбирая правильные слова, чтобы написать письмо отцу. В итоге ограничилась одной фразой: «*Прости меня*». Этого недостаточно, хоть я и не жалею о том, что сделала. Я пробыла здесь всего два дня и уже заработала четыре недели, которые непременно послала бы с письмом, если бы не воры на дороге. Если кто и узнал меня, то они не подали виду. И единственная мысль занимает меня: вскоре я заработаю достаточно денег, чтобы оплатить нашу ренту, а потом придет весна и будет легче охотиться. В конце месяца я вернусь в Крофтон с достаточным количеством кровавого железа, чтобы восстановить то время, которое сборщик забрал у отца.

Я подсчитываю монетки в голове. Это всего лишь маленькая часть того, что они отняли у нас, у Крофтона. Но я душу гнев и позволяю ему раствориться во мне, словно кровавое железо в чае леди Сиды. Ради папы. Ради настоящего. Ради будущего.

В конюшне широкоплечий парень подковывает лошадь курьера. Кожаные сумки, набитые письмами, привязаны к седлу. Услышав мои шаги, он оборачивается.

Не думая, я кричу:

– Тэм!

Слишком поздно я понимаю, что выдала себя с головой. Но мне все равно. Мой старый друг – сын двух стражей, но в детстве мы оба хотели стать кузнецами, как папа. Он вертелся вокруг кузницы, пока тот не приглашал его внутрь, и мы проводили часы вместе, сидя на папином верстаке и болтая ногами, наблюдая, как он обращается с раскаленным железом.

Он шурится, пытаясь понять, кто перед ним. Тогда я снимаю чепец.

– Это я, Джулс. – Парень все еще не узнает меня, и тогда я улыбаюсь и показываю на передние зубы: – Видишь, я же говорила, что они снова вырастут. – Когда оба моих передних зуба выпали, Тэм четыре месяца звал меня грызуном.

Парень меняется в лице. Добродушная улыбка играет на его губах. Он обнимает меня, и я растворяюсь в знакомом запахе дыма и металла.

– Ты работаешь на новой кузнице, – я делаю шаг назад, чтобы рассмотреть его. Тэм теперь на фут выше меня, но лицо у него такое же красивое и серьезное. – Не верится, так много времени прошло! – Слова вырываются сами собой, и неожиданно для себя я смеюсь. – Как ты? Ты теперь здесь главный? Этта и Меррил тоже по-прежнему здесь?

Но Тэм печально улыбается и делает странный жест, касаясь пальцами одной руки губ, а потом отводит руку. Он качает головой, повторяя жест, и я понимаю: он не может говорить.

Веселье сразу же улетучивается.

– Что случилось? – вырывается у меня, но он не может ответить. Мы растерянно смотрим друг на друга, и я чувствую, как что-то нарастает внутри меня. Перед глазами всплывают образы Тэма и Роана, сражающихся в одной из шуточных схваток, гонящихся друг за другом с деревянными мечами по всему Эверлессу.

Тэм протягивает ко мне руку и сжимает плечо. Я понимаю, что он пытается выразить, как рад видеть меня.

– Я вернусь, – неловко говорю я. Сердце бьется, словно мотылек в освещенное оконное стекло.

Он снова сжимает мое плечо, а потом с улыбкой берет мои письма. Я почти забыла о них. Он поворачивается ко мне широкой спиной. Не говоря больше ни слова, я отправляюсь на кухню.

По дороге гадаю: что случилось с моим старым другом?

* * *

На кухне покрытые мукой слуги яростно месят тесто, словно сама Королева наблюдает за ними. Я собираюсь к ним присоединиться, когда Лора хватает меня за руку.

– Мне нужно, чтобы ты спустилась в погреб, – говорит она, – принеси как можно больше лука.

Я удивленно смотрю на нее. Ведь кладовую уже заполнили гирляндами из лука и толстыми связками чеснока, и этого явно больше, чем нужно. Я киваю, но задерживаюсь.

– В конюшнях есть немой парень, – осторожно начинаю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Что с ним случилось?

– А, Тэм. – Лора перестает улыбаться, затем вываливает на стол тесто и начинает его месить, и я понимаю, что сглупила: только когда расстроена, Лора начинает работать сама, а не поручает это кому-то из нас. – Бедный мальчик. Он... – Она обрывает себя на полуслове и внезапно будто становится старше. – Он оскорбил молодого капитана, и за это ему отрезали язык. Больше он так делать не будет.

По спине пробегает холодок, когда я вспоминаю холодные глаза Айвана, сталь его клинка. Я знала, что он жесток, но это переходит все границы, и я чувствую прилив ненависти к нему.

Лора гневно смотрит на тесто, словно это Айван.

– А теперь займись своим делом, – говорит она мне. Такого резкого тона я еще от нее не слышала. – И тогда ничего плохого не случится.

Прежде чем я успеваю узнать побольше, в кухню, лавируя между поварами, вбегает мальчик, который так боялся отнести поднос с едой леди Сиде, и резко останавливается перед нами.

– Хинтон Карстеирс, – строго говорит Лора. – Притормози.

– Только что прибыл гонец для лорда Герлинга. – Он не может отдышаться, лицо покраснелось. – Скоро здесь будет свита Королевы! – Он чуть ли не визжит. – Королева едет!

Один из мальчиков роняет скалку, а девочка прижимает испачканную в муке руку к груди и ахает. Хотя я не испытываю к Королеве почти никаких чувств, по коже пробегает холодок при мысли, что я увижу женщину, которая привела Семперу к победе в войне и вот уже сотни лет находится у власти, женщину, которую, по слухам, благословила сама Колдунья. В голову лезут слова леди Сиды: *«Говорю тебе, она ест их сердца, чтобы оставаться молодой».*

Я дрожу.

– Да-да, мы знаем, что Королева едет, – бормочет Лора, с упреком глядя на взволнованную кухонную прислугу. Потом берет Хинтона за плечо. – Сколько времени осталось?

– Час, – говорит Хинтон, все еще тяжело дыша. – Может, меньше.

Кухня взрывается разговорами. Но Лора хмурится, отпускает Хинтона и поворачивается ко мне.

– Погреб, – говорит она. – Сейчас же.

– Но... – начинаю я.

– Выполний, – резко продолжает она, и я рада, что у меня есть причина покинуть кухню: паника теперь витает в воздухе, и от этого мне становится не по себе.

Когда я спускаюсь в подвал, прохладный воздух ударяет в лицо, и это приносит облегчение после жаркой кухни, но темнота и близость подземных залов пугают меня. Или, может, это просто потому, что они заброшены, а я привыкла к толкотне слуг день и ночь. Я беру факел со стены и держу его высоко над головой, освещая путь.

Поворачиваю в погреб и прохожу мимо бочек с мочеными яблоками с едва уловимым кислым запахом. В углу замечаю нечто, чего здесь раньше не было, делаю шаг вперед, и слабый, мерцающий свет озаряет фигуру мужчины, свернувшегося на грязном полу, трясущегося в старом плаще. Несмотря на то что мои глаза еще не успели привыкнуть к темноте, я его узнаю.

– Папа, – слово вырывается шепотом, а он с трудом поднимается на ноги и хватается за полку, чтобы не упасть. Я бросаюсь к нему и хватаю за талию, помогая держаться прямо. Он выглядит ужасно: бледный и худой, лицо в грязи, взгляд отсутствующий. Под его плащом можно нащупать ребра.

– Что ты здесь делаешь?

Он смеется, звук – мягкий рокот в его груди, а потом сразу же начинает кашлять.

– Мне нужно было повидать тебя.

– Тебя не должны видеть в Эверлессе, папа!

Какой же он худой!

– Это не остановило тебя, – говорит он. Несмотря на слабость, голос у него игривый. Я слабо улыбаюсь.

– Никто меня не узнает, я тогда была ребенком. Как ты мог?! Черт знает что может случиться, если кто-то из Герлингов тебя увидит! Ты сказал...

– Никто меня не увидит, – отрезает он, и в его словах я чувствую усталость после дороги. – Мне удалось убедить фермера, выращивающего пшеницу, позволить мне спрятаться в его телеге. Я тут недолго пробуду.

– Ты мог послать мне письмо, папа. Я бы сразу вернулась домой. – Когда я представляю, как он ковылял вдоль дороги весь день, преодолевая усталость, мне становится не по себе от чувства вины.

Папа улыбается, но в его взгляде какое-то чувство, которое я не могу распознать.

– Я не мог ждать гонца или довериться ему. – Он подносит руку к моему лицу. Его пальцы очень холодные. – Джулс, моя предприимчивая девочка, я снова говорю тебе: ты должна вернуться домой.

– Папа, все хорошо, – мой голос звучит неуверенно. Я уже строю планы, как вернуть его в деревню. Я могу нанять телегу с помощью кровавого железа в моем кошельке. Лора знала, кем был папа, так что она знает, как он рискует здесь. Я не могу просить ее о помощи, но, может, смогу заплатить Хинтону, чтобы он вывел его, или Тэму. – Еще пару недель, и нам не нужно будет переживать из-за ренты. Разве ты не понимаешь? Все будет хорошо. Никто меня не узнаёт.

Это самый худший момент, чтобы вспомнить, как Роан подмигнул мне, но я не могу совладать с собой, и в груди разливается тепло. Да я и не хочу этого делать.

– Нет, – голос папы низкий, настойчивый. – Это место опасно для тебя. – На какое-то мгновение я представляю, что мне снова семь и я держусь за его руку, когда он тащит меня прочь из Эверлесса; запах дыма все еще на наших одеждах. – Скоро приедет Королева.

– Нам нужны деньги. – Мною овладевает злость из-за его упрямства. Мне не семь лет, он не вправе указывать мне, что делать.

– Я найду деньги, – он берет мои руки. Его ладони холодные, а пальцы твердые, как камень. Свет факела подчеркивает тени на его лице и синяки под глазами. – Пожалуйста, покинь это место.

– Не могу, они заметят мое отсутствие. – Я не уверена, что это правда. Злость и чувство вины борются друг с другом. Отец защищал меня семнадцать лет – теперь я буду защищать его, как бы опасно это ни было. – Свита Королевы приедет в любую минуту, – говорю я. – Сельская местность будет кишеть стражниками и дворянами, желающими посмотреть на процессию. Ты должен уйти сейчас же, до их приезда.

– Как и ты, Джулс, – руками он сжимает мои плечи, сверлит меня настойчивым взглядом. – Ты не можешь подпустить Королеву близко к себе. Она узнает тебя. Это небезопасно.

– Королева? – ничего не понимаю. – Разве не Лиамы ты имеешь в виду, папа?

Кажется, он меня не слышит.

– Она вор, и очень опасный. – Слова льются потоком, дыхание его тяжело; когда я поднимаю факел, то вижу, как горят его глаза, словно от лихорадки или чего-то хуже. – Я объясню по пути. Но нам нужно уходить...

– Папа, нет, – прерываю я его. – Если я не вернусь к обязанностям на кухне, наказание будет серьезным.

Он продолжает слабо тянуть меня за руку. Неужели отец сходит с ума?

– Жди здесь. Я найду кого-нибудь, кто проводит тебя домой. – Когда же замечаю, что он собирается спорить, добавляю: – Я вернусь домой завтра, после того как поговорю с Лорой.

Папа хмурится:

– Готова поклясться?

Я открываю рот, но почему-то обещание застревает в горле.

«Никогда не клянись, если ты действительно не имеешь это в виду, иначе такой клятвой ты отправишь Алхимика за своей душой».

Старая песенка-предупреждение, которую мы повторяли в детстве.

Я надеюсь, что это не так. Потому что правда заключается в том, что я не могу покинуть Эверлесс завтра. Папа одной ногой в могиле, и сейчас больше, чем когда-либо, ему нужно

пополнить время. Но есть еще кое-что: в глубине души я хочу узнать, улыбнется ли Роан мне снова.

– Клянусь, – внутри все переворачивается от этой лжи. – Я люблю тебя.

Он наклоняется вперед, обнимает меня и целует в лоб. Я прижимаюсь к нему, вдыхая запах металла и соломы – запах дома.

– И я люблю тебя, – бормочет он в мои волосы. – Всегда помни это.

– Увидимся завтра, обещаю, – говорю я. Лгать – словно удерживать рыбу в руках: правда хочет вырваться наружу.

Я уже привыкла к этому чувству.

7

Вернувшись на кухню, я оглядываюсь в поисках Лоры и вижу, что она чистит рыбу на другом конце. Наши взгляды встречаются, и она быстро отводит свой в сторону. Не забыть бы поблагодарить ее, что отправила меня к папе.

Но сначала мне нужно помочь ему выбраться отсюда. В углу я нахожу Хинтона, он играет в палочки, в то время как горшок с супом, за которым ему поручено следить, кипит и булькает.

Увидев, что я его заметила, он сметает палочки в кучу и встает с виноватым видом. Но я не обращаю на это внимания – мои руки уже тянутся к монетам в кошельке на поясе. Если бы у меня было время подумать, составить план получше... Но как только Королева окажется близко к Эверлессу, ворота закроют и повсюду расставят стражников. Они будут обыскивать каждую въезжающую и выезжающую карету. После этого у меня не получится вытащить отсюда папу.

Я хватаю маленькую деревянную миску и наливаю в нее суп. Хинтон удивленно наблюдает за мной, когда я достаю три медные недельные монеты из кошелька и бросаю в горячий суп.

– Ты не можешь взять этот суп. Он для...

– Знаю, – говорю я и опускаюсь на колени перед ним. Он смотрит на меня подозрительно, так что я открываю свой кошелек и протягиваю ему кое-что. Еще одна недельная монетка, только что отлитая, блестит как утреннее солнце. Глаза мальчишки широко распахнуты.

– Мне нужна услуга, – говорю я. – Пока не пришла Королева. Ты сможешь мне?

Он сомневается. Но монета слишком соблазнительная, чтобы отказаться.

– Я постараюсь.

– Ты найдешь путь в погреб? – Кивок. – Возьми вот эту миску. Там тебя будет ждать мужчина. Убедись, что он все съест. Это мой отец. – Я запинаюсь, ведь давно привыкла охранять свои секреты от всех, но теперь это неважно. – Ему нужно незаметно покинуть Эверлесс, но он болен и не сможет выбраться сам.

– Почему ему нужно покинуть Эверлесс? – подозрительно спрашивает Хинтон.

– Долгая история, – отвечаю я. – У него плохие отношения с... капитаном Айваном. – Я не хочу произносить имя Лиама и вызвать вопросы, на которые не смогу ответить.

Это были правильные слова. Хинтон кивает с пониманием: он боится Айвана, как и все остальные.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Выведи его, – говорю я. – Прямо сейчас. Отведи его в Крофтон, если получится. Знаешь, где это? – Он кивает, а я кладу монетку на его ладонь и улыбаюсь в попытке скрыть напряжение. Если бы все это не происходило здесь и сейчас, я бы посмеялась над идеей доверить жизнь отца девятилетнему мальчику. Но я в отчаянии.

Он переворачивает монету, потом подносит ее к зубам и задумчиво грызет.

– Сегодня вечером в Крофтон везут партию кожи. Я попрошу мальчиков на конюшне спрятать его в карете.

Мы оба вздрагиваем от глубокого чистого звона колокола. Кипящая кухня замолкает, пока стены гудят вокруг нас, вибрируя от богатства звука. На мгновение я забываю свой страх, зачарованная им. В детстве я слышала многие из колоколов Эверлесса: есть те, что извещают о свадьбах и смертях, праздниках и официальных объявлениях. Но никогда раньше я не слышала колокол короны, предназначенный лишь для Королевы.

Из всех колоколов, которые я помню с детства в Эверлессе, песня этого – самая глубокая и самая красивая. Это значит, что мы должны собраться к приезду ее величества и что у меня кончается время.

– Мы не можем ждать, – говорю я ему.

– Я пойду сейчас же, – говорит Хинтон, поднимая подбородок. – Через южные ворота.

– Будь осторожен, – я едва выговариваю слова: так сильно колотится сердце.

Снова звучит колокол, теперь к нему присоединяется еще один – более высокая нота, и еще, и еще, пока все двенадцать колоколов не затягивают свои песни. Я выхожу в коридор, вливаясь в поток слуг, устремившийся к воротам. Девушки подбирают юбки и бегут, и даже старые служанки и подметальщицы спешат вместе со всеми. Их болтовня летит эхом по коридорам поверх звона колоколов. Шум доносится до меня словно через стеклянную стену. Страх за отца все еще жужжит в ушах, затуманивая взор.

Но я стараюсь изо всех сил выбросить его из головы. Папа так просто не сдастся. Он ведь проделал весь этот путь, не так ли? И, если ветер будет попутным, а удача не покинет его, он окажется дома к наступлению темноты.

Я как можно быстрее присоединяюсь к группе служанок в углу главного холла. Лора ходит между нами, оттирая муку с лиц и расправляя платья.

– Джулс, – с укором говорит она, – мы ждали.

Я наклоняю голову:

– Простите, мэм.

Лора подносит руку к моим волосам: несколько прядей выбились из узла на затылке и упали на лицо. Она заправляет их за уши, неодобрительно прищелкивая языком, когда они снова выбиваются.

– Какие непослушные, – бормочет она, а потом поднимает голос: – На улицу, девочки, быстро!

На лужайке сотни слуг выстраиваются в ряд вдоль дороги, ведущей от ворот Эверлесса к холлу, – маленькая армия, одетая в зеленые и золотые цвета Герлингов. Я замечаю Алию среди других собравшихся детей-слуг. Она стоит на цыпочках, чтобы видеть дорогу. Стражники ходят по дороге на определенном расстоянии друг от друга – Айван впереди, – их руки лежат на инкрустированных камнями рукоятках мечей. Это самое большое сборище людей, которое я когда-либо видела, и я чувствую себя такой маленькой.

Герлинги выходят все вместе из парадных дверей Эверлесса, словно поток расплавленного железа. Справа и слева от лорда Герлинга – его жена и сыновья. За ними выстроились десятки родственников, поражающие дорогой одеждой из шелка и бархата. Я морщусь, узнав женщину, стоящую позади леди Вериссы: герцогиня Корин выглядит едва ли старше дочери, хотя ей должно быть уже по крайней мере шестьдесят. Я наблюдаю, как она берет что-то из кошелька и засовывает в рот.

Во мне нарастает злость, когда я представляю, как час тает на ее языке. Я поднимаю взгляд на окно башни, где, должно быть, сидит леди Сиди и наблюдает за происходящим своими странными бледными глазами. Но вдруг мне хочется увидеть выражение ее лица, услышать, что она скажет при виде Королевы.

Лиам держится немного в стороне от семьи; глаза его полузакрыты, словно празднования наскучили ему. Знакомая смесь страха и злости накрывает меня, когда я вспоминаю, как он толкает собственного брата в ревущее пламя. Как извращен, должно быть, этот мальчик, у которого есть власть, чтобы разрушить две невинные жизни в стремлении скрыть свою жестокость.

Но Роан. Роан.

Старики в деревне говорят, что в венах Герлингов течет древняя кровь – кровь сумасшедшего лорда, который заключил Колдунью и Алхимика так много столетий назад, чья жадность заставила их привязать время к крови и обрекла нас всех на жизни, полные лишений. У них точно достаточно кровавого железа, чтобы это было правдой. Легко поверить, что Герлинги – само зло во плоти, что в их крови есть нечто, делающее их такими. Но смотря на Роана – его сумеречно-голубые глаза, улыбку, от которой замирает само время, – я не вижу ничего даже близкого ко злу.

Он галантно предлагает свою руку бабушке с пустым взглядом. На нем безупречный темно-золотой жилет, но его волосы неряшливо торчат во все стороны, как обычно. Я вспоминаю их споры с матерью из-за этих волос – один из них я подслушала в детстве, – и, несмотря ни на что, мне приходится скрыть улыбку. Я смотрю, как он пихает Лиама локтем, видимо, после какой-то тайной шутки, и гадаю, как он мог простить брата, который однажды пытался убить его.

Глупая, ругаю я себя. Да, Роан красивый и очаровательный и будет оставаться таким, когда я состарюсь, если доживу до старости. Он будет очаровательным даже после моей смерти.

Ворота со скрипом отворяются, и благоговейный шепот слуг разносится по двору. Я отрываю взгляд от Роана и смотрю на свиту Королевы.

Пять сверкающих карет, запряженных гордыми белыми лошадьми, въезжают одна за другой. Несколько стражников идут рядом с ними, их мечи блестят в полуденном солнце. Сердце начинает биться чаще, когда первая карета подъезжает достаточно близко, чтобы я смогла увидеть женщину, сидящую внутри.

Как и все, кто стоит рядом со мной, я не могу не вскрикнуть. Она высокая, сильная, на лице нет морщин, хотя я знаю, что она выглядит так уже много веков подряд. Слабая улыбка играет на ее губах, когда она приветствует толпу, и я чувствую недостойное желание рассмеяться, похлопать или сделать и то и другое.

Стоящая рядом Ингрид наклоняется ко мне.

– Я слышала, что она красива, но это... – Она делает паузу. – Такого я не ожидала.

– Мама говорит, что за ней ухаживает ведьма, – вставляет Бея. Она одета по случаю, насколько это возможно для нас, слуг. На ней голубая шаль поверх кухонного платья, которая красиво оттеняет ее смуглую кожу. Запах лаванды доносится от ее одежды.

Была бы здесь Лора, приказала бы им обоим замолчать. Если Айван услышит, как мы болтаем, – кто знает, что он с нами сделает в назидание другим.

Подъезжает еще одна карета, поменьше, но столь же роскошная. Когда она проезжает мимо, я впервые вижу невесту Роана Ину Голд. Короткие темные волосы едва касаются мочек ушей и красиво обрамляют лицо. Она так прекрасна, что практически светится. Ее идеальная улыбка адресована точно Роану, и она в нетерпении приоткрыла к окну кареты, словно ждет, когда стекло исчезнет и она сможет кинуться к нему. Мое сердце сжимается, когда я вижу, что он улыбается ей в ответ. Я отворачиваюсь, мой взгляд возвращается к карете Королевы, и я замечаю глубокие бороздки на деревянном остова, словно кто-то стрелял по ней из лука. Странно.

Кареты с Королевой и Иной Голд останавливаются, за ними и остальные. Когда Королева выходит по узким, украшенным жемчужинами ступенькам, алые одеяния ниспадают вокруг

нее, а Герлинги встают на колени и кланяются. Слуги следуют их примеру, и мы все опускаемся на траву. Мои юбки намокают от росы.

После долгой паузы лорд Герлинг поднимается и подает сигнал всем остальным тоже встать.

– Ваше величество, – гроыхает он, – какая невероятная честь принимать вас в нашем доме.

Королева коротко кивает, окидывая взглядом лорда Герлинга, прежде чем отвернуться. Даже издалека я вижу, как он вздрагивает под ее взглядом.

– Спасибо, Николас.

Ее голос кажется далеким, словно она говорит из длинного темного туннеля. Королева красивая, как будто неземная, элегантная и излучает силу. Красный водопад ее плаща придерживает темноволосая придворная дама. Когда Королева осматривает Эверлесс, странные слова папы – *«Не дай ей увидеть тебя»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.